

1:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Высшая Школа Журналистики и Массовых коммуникаций

Кафедра истории журналистики

На правах рукописи

Щеблыкина Лилия Олеговна

**Этическая публицистика периода «оттепели» в
журнале «Огонек»**

Научный руководитель –

доцент, доктор филологических наук

Владимир Васильевич Перхин

Кафедра истории журналистики

Очно-заочная форма обучения

Санкт-Петербург

2016

2:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3-7

ГЛАВА I: Этическая публицистика «оттепели» в журнале «Огонек»
8-63

1.1 Этические воззрения Татьяны Тэсс 8-20

1.2 Этическая традиция в публицистике Корнея Чуковского в журнале
«Огонек» 20-39

1.3 Особенности публицистики Анатолия Софронова в журнале
«Огонек» 20-60

Заключение 60

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования состоит в необходимости повышения качества современных журналистских текстов и сравнительном анализе ценностных ориентиров человека советского и человека современного. Как освещаются вопросы достоинства, долга, морального выбора, веры и воспитания в тестах советских публицистов журнала «Огонек» и что способствовало их появлению? Как СМИ могли воздействовать на советского человека уже после смерти Сталина?

Новизна выпускной квалификационной работы обеспечена редкой эмпирической базой. За основу исследовательской работы взят журнал «Огонек» периода «оттепели», что позволяет изучать тему этики с нового ракурса. Общеизвестно, что для СМИ периода «оттепели» характерен пересмотр этических категорий и выход журналистских материалов на новый эстетический уровень. Это связано с изменившимися политическими реалиями. После назначения на пост генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева и закрытия «Дела врачей» и «Ленинградского дела» последовало осуждение культа личности Сталина, ослабление тоталитарной власти и, как следствие, появление свободы слова, феноменального для советской печати явления. Изучаемый исторический период характеризуется также демократизацией политической и общественной жизни, что также не может быть безынтересно.

Актуальность и новизна исследования определяют такие задачи, как:

1. Выделить этические категории и проблемы, представленные в журнале «Огонек» 1953-1965 годов;
2. Изучить творчество Корнея Чуковского, автора журнала «Огонек»;
3. Изучить творчество Татьяны Тэсс в журнале «Огонек».

Цель выпускной квалификационной работы состоит в раскрытии основных этических категорий журналистики периода «оттепели» в журнале «Огонек».

Теоретико-методологической базой исследования послужили исследования Чуприна «Оттепель», материалы Второго Всесоюзного съезда советских писателей, работы академика Д.С.Лихачева и некоторые философские труды.

Эмпирическую базу сформировали полные подборки журналов «Огонек» за 1953-1964 годы.

4:

В процессе исследования привлекаются методы обобщения собранного эмпирического материала и синтеза информации. В основе исследования лежит гипотетический метод.

ВКР состоит из введения, одной главы, разделов и заключения.

Д.С.Лихачев, рассуждая о критике литературных произведений своего времени, утверждает: марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична. С этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения. Такой подход стал самой настоящей проблемой для талантливых литераторов советского времени. Писатели-автоматчики гораздо быстрее добивались признания и писательских привилегий, чем литераторы, развивающиеся в рамках предписанной партией идеологии. Таким писателям, как А.Твардовский, везло, но как в рамки заданного партией метода социалистического реализма могла уместиться публицистика Татьяны Тэсс или Корнея Чуковского?

Дмитрий Сергеевич Лихачев в одной из своих работ утверждает: «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Период оттепели в журналистике — оптимизм новой советской журналистики. Журналисты говорят о воспитании, этике взаимоотношений старших и младших, индивидуальных проблемах каждой отдельно взятой личности, мужчины или женщины, которые могли быть одиноки, незрячи, обладать незаурядной внешностью и не обладать возможностями самореализации.

В России литераторы и литературные критики заменяли философов. До 18 века в Российской Империи не существовало чистой академической философии, хоть отчасти ее и заменяли споры иосифлян и нестяжателей, сторонников реформы Патриарха Никона и старообрядцев.

Вульгарный материалистический подход отражался и на качестве и характере литературной критики 1930-1950-х годов. Профессора философии в послепетровскую эпоху подвергались преследованиям и допросам, а за несоответствие заданному партией направлению не только подвергались публичной критике на съездах писателей, им запрещали публиковаться, неудобных главных редакторов, даже уровня А.Твардовского, увольняли из редакций вместе со времени авторами. Несмотря на политизированность «Огонька», без которого его существование было бы невозможно, и предположительную материальную скованность главного редактора, едущего на поездах через всю Россию, в журнале оказывался весь свет публицистики, в том числе такие проревольюционно настроенные личности, как Корней Чуковский.

5:

Вступали в союз писателей и получали привилегии авторы, не отходящие от предложенных партией тем. В свое время министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов предпочитал запретить философию. В России же наилучших результатов добивались литературные критики и литераторы. В 20 веке философия была допущена на страницы толстых журналов, но в словарях тех лет указывалось, что «марксизм окончательно вытеснил философию из общественной жизни».

Философия «доброты» научного исследования основана на неакадемическом подходе Д.С.Лихачева по той простой причине, что Академию наук СССР наполняли сторонники коммунизма, а не даровитые философы.

Философия марксизма оптимистична для тех, кому она близка, но оценивать сквозь ее призму литературные произведения согласно философии Лихачева, насколько можно судить по отрывочным высказываниям академика о философии, нельзя. Автор статьи «Философия научного исследования» предполагает, что это причина негативного отношения академика к философии и, возможно, она же послужила тому, что он однажды предложил вообще исключить философию из списка вступительных испытаний в аспирантуру, чем огорчил своих коллег по цеху.

Материя – низменное начало, но оно же и начало природное, культура у Лихачева отождествляется с духом. Приобщение к культуре означает получение духовной свободы, но в тоже время культура испортила человека, надстроив над его природными свойствами ряд искусственных ценностей. Лихачев в своих научных статьях оспаривает эту точку зрения, поскольку сам не готов увидеть в человеческих трудностях и проблемах вину культуры. «Нельзя путать культуру и государство, культуру и цивилизацию», - говорит он. Такая позиция расценивалась русскими философами, в частности Бердяевым, как культуropоклонство. Лихачев открыто полемизирует с Чаадаевым и Бердяевым на этот счет.

Специалист по этике А.А.Гусейной, делая комментарии к «Избранным трудам» Лихачева, говорит о том, что Лихачев ставит вопрос о правах культуры, названия его работ, «Письма о добром», «Заметки о русском» говорят об этом. Прилагательные «добрый», «русский» у Лихачева – универсалии, почти синонимы.

В своих рассуждениях о правах культуры Лихачев придерживается аномалистической позиции. Имеется в виду утверждение, согласно которому культура – это не памятники культуры, а театр – не отдельно взятые постановки. В тоже время культура остается явлением, которое невозможно инвентаризировать, навесив бирки на единичные ее проявления. Также невозможно предвидеть характер развития культуры.

6:

Культура как целостная система отделяется от антикультуры и бескультурья и держится как организм на внутренней связи элементов целого. Д.С.Лихачев выделяет недостатки позитивистской научной методологии, которой пользовалось научное естествознание, и приходит к выводу, согласно которому изучение гуманитарной культуры может потребовать другой методологии.

В основе работ Д.С.Лихачева лежит не формалистичная педантичность, а философский интерес к природе и значимости текста. Создавая работы по текстологии, он противопоставляет «статичность» и «динамичность» исторического и эстетического подходов. Все работы Лихачева на культурно-исторические темы имеют диалектический характер. Д.С.Лихачев никогда не причислял себя к философам.

Лихачев говорил, что наука — творчество, а творчество дарит счастье и самим творцам, и тем, кто этому творчеству внимает. В науке, как в искусстве, нет места серости, сухому повторению избитых истин, унылому догматизму или слепому доверию авторитетам.

Лихачев в статье «История – мать истины» высказывает опасения по поводу того, что построение гипотез в литературоведении по принципу «От Пушкина не убудет» может навредить читательскому интересу к произведениям русского поэта и писателя. Академик говорит о том, что такой подход побудит читателя отказаться от обращения к литературоведам и осмыслять того же «Евгения Онегина» самостоятельно, на своем уровне. Хочется отметить, что само обращение к литературоведам как таковым свойственно скорее эпохе толстых журналов.

Литература «Оттепели» изначально находилась в зачаточном состоянии в том смысле, что ее нельзя воспринимать как зрелую. Не смотря на то, что у взыскательно настроенного читателя произведения «оттепели» заставляли трепетать руководство партии и вызывали ненависть бюрократов и писателей-автоматчиков.¹

Праздничная литература, поднимающая человека над обыденностью, сменилась более серьезной, нацеленной на верность классическим традициям, гуманистическому кодексу и народолюбию. Такой была литература Солженицына, Гроссмана, Шукшина, Абрамова, Вампилова и других писателей изучаемого периода. В исследовании же упомянуты журналисты, поскольку слово «журналистика» произошло от французского *journaliste*, из *journal*, журналист из газеты.

Уважающий себя писатель больше не мог романтизировать ненависть, создавать идеальных героев, которые не смогли бы существовать в реальном мире, показывать только положительные черты социалистического общества.

¹<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/214/1/1097021.pdf>

7:

Наступление оттепели расширило круг писательских возможностей. И читателя, и писателя интересовали проблемы обычного «маленького» человека, живущего в социалистической реальности, и никакая идеология не могла переключить на себя их внимание. Культура и политическая идеология представлялись как противоборствующие силы, реальность воспринималась критически, а культура противостояла социальной рутине.

ГЛАВА I: Этическая публицистика «оттепели» в журнале «Огонек»

1.1 Этические воззрения Татьяны Тэсс

8:

Татьяна Тэсс публиковалась в журнале «Огонек» с 1954 по 1956 годы. В 1954 году ее рассказы печатались в разделах «Писатели и книги», «Художественная проза», «Искусство», «Очерки, репортажи, фотоочерки».

Майский номер журнала «Огонек» за 1954 год начинается с ее рассказа «Весна нашей жизни». Главная этическая ценность, заявленная в материале – патриотизм. Татьяна Тэсс пишет: «Ясные и мудрые решения Коммунистической партии и Советского правительства поставили перед народом новые задачи. И народ горячо, дружно, смело взялся за выполнение боевой программы, цель которых – дальнейший рост благосостояния советских людей, их благо, их счастье»². На иллюстрациях к материалу изображены молодые семьи с детьми, десятиклассники, определяющие свою судьбу, девушки с длинными косами и свидание молодых людей у памятника.

Личные интересы каждого человека неразрывно связаны с интересами страны. Цель каждого советского человека – увеличения благосостояния страны и народного достояния. На благо людей каждый день трудится тот, кто осваивает целинные земли на востоке СССР, тот, кто повышает производительность труда за станком на заводе, тот, кто делает новый расчет для машины за чертежным столом. Страна живет только для того, чтобы советские люди были счастливы и богаты. На радость им колосятся золотоносные луга, и для блага людей вырастают новые жилые здания на городских улицах. «Мы живем в великое время, и нет большей радости, чем радость сознания того, что ты своим трудом участвуешь в самом величественном и благородной строительстве, которое знал мир»³, - пишет Татьяна Тэсс.

На благо будущего страны, детей, которые родятся или уже родились в СССР, строятся новые просторные квартиры. Дети, выросшие в этих квартирах, становятся школьниками, которые продолжают великое дело строительства коммунизма, кто-то работает трактористом, кто-то артистом. Тракторист, приветвенно взмахивающий рукой, уже выбрал свою судьбу, и неизвестно, чему он улыбается и радуется, тому, что спорится труд, тому, что хорош день, а может быть и тому, что любит девушка.

«Ветер стихает. На чистом небе ясно и торжественно зажигается зеленая звезда. И откуда-то издалека в холодный воздух просачивается смутный, слабый запах мокрой земли, прели, набухшей от сока ветки. И как ни слаб

²Татьяна Тэсс Весна нашей жизни//Огонек, 1954 г., №18 стр.1

³Татьяна Тэсс Весна нашей жизни//Огонек, 1954 г., №18, стр.3

9:

этот далекий аромат, он оказывается сильнее запахов бензина, дыма, промерзшего за зиму камня, всех плотных, жестких запахов города, к которым мы привыкли».

В рассказе Татьяны Тэсс «Четыре года», опубликованном в «Огоньке» также в 1954 году, в красках описывается завод, на котором работает главный герой произведения сталевар Козлюк. «Город Т. стоял на равнине, и еще издали, когда вы подъезжаете на автобусе, вы видите вдали высокие трубы мартеновского цеха и над ними тонкий, летящий, словно нарисованный размытой тушью дым».

Завидный жених сталевар Козлюк живет в городе Т. Работник завода уважаем и любим всеми. На рыбалку он ездит с председателем цехкома, а в городском парке среди портретов знатных людей висит его портрет. О Козлюке пишут местные газеты. Он держит дом в чистоте, собственноручно сажает картошку и поливает помидоры. В городе Т. опытный сталевар - завидный жених.

Однажды он уезжает на базу отдыха и возвращается оттуда с молодой женой Лизаветой. Она рождает ему ребенка, поступает в колледж, а сталевар берет себе в ученики троих молодых людей, одного из которых приводит в дом. «В этом веселом парне с тонкими, как шнурок, черными усиками он учуял ту пристальность, ту поглощающую все существо любовь к труду, без каких не мыслил работу сталевара». С придирчивостью и обстоятельностью Козлюк втолковывал молодому ученику знания, которые считал самыми важными, и приглашал его к себе в дом.

Как бабочка из кокона, выпорхнул будущий сталевар из своего пальто в дом Козлюка. В это время его молодая жена Лиза, покрасневшая, с растрепавшимися от ветра рыжими волосами, проворно натягивала на свою маленькую дочку теплые штанишки и приговаривала: «-А мы с Ирочкой плакать не будем. Мы с Ирочкой супчик будем есть. Правда, Ирочка?» Поглядывая на закуску, Козлюк достал из буфета графинчик и выпил со своим учеником и тещей. Ванюша, держащий вилку с маринадом как розу, пил с Козлюком за родное дело. Сталевар целовался со своим подмастерьем. Матрона Ивановна, теща Козлюка, озабоченно спрашивала у него, почему не заходит Ваня, если долго его не видела, и беспокоилась, как бы он не простудился.

Одно проишествие разрушило спокойную и размеренную жизнь семьи. Козлюку предложили переехать на новое место работы в Тбилиси, к новым

10:

цехам и печам. Подумав, он решает согласиться. Туда же направляют и его ученика Ваню. «Козлюк вошел в мартеновский цех. Там стояла тишина. Пустынно темнели печи, безмолвно возвышались огромные завалочные машины, неподвижно повисла под высокой кровлей пустая кабинка крановщика. Здесь было все живо, все ждало своего часа. Под потолком со звуком, напоминающим треск разрываемого полотна, заработала электросварка. Коротко и звонко она ударила молоток. Живые, чистые звуки, торопливые шумы то и дело рассекали тишину, но в темной глубине печей она таилась неподвижно и величаво».

Молодая жена сталевара терпеливо снесла некомфортный переезд и спустя какое-то время пошла учиться в техникум и поступила на работу. Матерый сталевар работал с любимым учеником. Ваню успел возмужать и раздаться в плечах, а возле его губ пролегли твердые, упрямые складочки, словно намеченные резцом. Однажды Козлюк, придя домой, застал у себя в доме Ваню. Мягко и смущенно он уговаривал его жену, Лизу, пойти с ним в театр. «Когда вы улыбаетесь, у меня сердце теплеет», - говорил Ваню тихо. – Почему это? Ни у одного на земле человека нет такой улыбки, как у вас...» Тихо подслушивал в своем собственном доме сталевар разговоры своей жены и ученика и на несколько часов потерял душевный покой. Дома он как всегда вкусно ел, рассказывал жене, как спорятся дела на заводе. В какую-то секунду он даже подумал о том, чтобы поинтересоваться тем, как дела у его жены, но вскоре позабыл об этом.

Следующим вечером сталевар снова застал у себя дома ученика. Тот рисовал с его дочкой, смущенно и робко поглядывая на жену. В этот вечер Лиза даже не вышла с ним проститься. Козлюку это было чрезвычайно приятно. Глядя на закрытую комнату двери, за которой Лиза возилась с ребенком, Ваню огорченно вздохнул.

Завод начал свою работу, жизнь Козлюка шла своим чередом. Работала на заводе спорилась, и старый мастер, в возрасте, умудренный опытом, пытался помочь делу. Он начал советовать своим товарищам по цеху как вести дела, со знанием дела, но без должного такта. Старый приятель на него обиделся и за это вспомнил, как однажды на рыбалке Козлюк выпил больше чем нужно и уснул, засунув голову в корзинку с бычками. Сталевар имел неоконченное низшее образование, пять классов школы, но это не помешало ему овладеть мастерством сталеварения.

11:

Ученика Козлюка, Ваню, лучшего молодого сталевара на заводе, выдвигают на должность мастера. Козлюк решил и тут сказать свое слово: «Пожалуй, мастер в тебе еще, брат, не выстоялся...», - сказал он ученику. Ваню молчал в ответ. Молодых нужно было продвигать на ответственные посты и обучать. «Погодил бы трошки с советами», - подсказали Кохлюку. «Добрый совет к доброму времени, как говорится». Любимый ученик, ходивший в дом, пивший с мастером водку, научился у него всему, что знал сам, но за мастера даже не вступился.

Снова и снова пытался Козлюк давать советы своему ученику, но тот только заподозрил его в получении собственной выгоды и возмутился тому, что Козлюк лезет с указаниями в момент, когда его, Ваню, назначили мастером, и он сам должен решать, когда заваливать печь. Проишествие разозлило и обидело сталевара, и он тут же собрался назад в город Т.

Дома он решил выразить недовольство тем, как ведут хозяйство жена и теща, и за своими обидами не заметил радости и счастья на лице жены, которую назначили старостой курса. Каждый член семьи фамилии Козлюк уже жил своей жизнью в этом большом чужом для них городе, и для Козлюка, добившегося максимальных профессиональных высот на заводе, только начиналась новая счастливая семейная жизнь. Ему предстояло стать хорошим мужем и отцом. И в это самое время «сумрак порозовел, резче обозначились все предметы. Свет разрастался, комната постепенно наполнялась его прерывистым, легким дыханием; все ожило. Дымящееся, золотое тепло вливалось в окна. На заводе одна из печей дала сталь. Зарево поднялось над крышей, охватив пол неба. На ночных улицах было пусто, и зарево величаво и медленно плыло над спящим городом».

Такая этическая ценность как патриотизм насквозь просвечивает и в рецензии на книгу «Ранний восход»⁴, который Татьяна Тэсс публикует в 16 номере журнала «Огонек». Эта книга была опубликована Львом Кассилем в издательстве «Детгиз». В ней рассказано о талантливом мальчике-художнике, который на пороге смерти создает почти полтора года работ, овеянных дыханием ласковой любви к родине, ее людям, ее большой, цветущей земле с ее рассветами и грозами, цветами и травами, реками и лесами.

Кассиль показывает, как страницу за страницей мальчик учится видеть и слышать природу, постигает глубины рисунка, законы пространства и перспективы, соотношения и формы - учится быть художником. Татьяна Тэсс

⁴Татьяна Тэсс Ранний восход//Огонек, №16, стр.10

12:

удивляется характеру, который нашел и описал Лев Кассиль в своей книге. Она пишет: «Многое удивительно переплетается в этом характере: поэтичность и упорство, мягкость и прямота, сила и детская нежность».

Тема художественного искусства продолжается и в «Рассказах художника», которые Татьяна Тэсс публикует в 16 номере журнала «Огонек». Подлинная живопись или рисунок наполнены большим содержанием, «мы ощущаем их как рассказ о человеческой жизни, глубокий, тонкий и прекрасный рассказ»⁵.

Художник Пименов, о котором пишет Татьяна Тэсс, страницу за страницей рассказывает о жизни своих современников. Он наблюдает приметы времени и рисует «Новую Москву», которая в тот момент готовилась к обновлению, мастерски передавая «чувство нового».

Одна из особенностей художника – узнаваемость его героев. Герои Ю.И.Пименова – стоители, водители машин, трактористы, школьники, огородницы, приехавшие на практику студентки, работницы и колхозные девчата. «Встретив в деревне старого колхозного каменщика или веселую трактористку в платочке и мужичковом комбинезоне, можно узнать в них черты тех самых людей, которым посвящены работы Пименова». Художник показывает нравственную природу советских людей, их душевную частоту и силу, трудолюбие, любовь к жизни. Через все произведения Пименова проходит тема поэзии созидания и поэзии труда. Каждый рабочий, каждый работник завода через ежедневный труд демонстрирует любовь к родине, таким образом работая на благо самого себя, и в этом состоит великая этическая ценность, которую Татьяна Тэсс заявляет в каждой своей работе.

На картинах Пименова кокетливо охорашивается перед зеркалом курносая лукавая девушка-маляр, водительница самосвала договаривается с экскаваторщиками о посещении кино.

Пименов создает образ женщины-труженицы русской земли. Он показывает их в милой сердцу повседневности, в мире простых вещей, обычных явлений. В его картинах сквозь малое видится великое и открывается все то большое, прекрасное содержание нашей жизни.

Один из важнейших разделов советского искусства – бытовой жанр. Такой художник повествует о нашей жизни, о наших людях, их труде, быте, раздумьях, чувствах. «Правда факта – это сырье, из которого художник-

⁵Татьяна Тэсс Рассказы художника//Огонек., №16, 1954 г., стр 26

13:

реалист выплавляет большую правду жизни». ⁶ От внешней схожести до подлинной правды жизни немалый путь.

В 1955 году Татьяна Тэсс публикует материал «В одной лаборатории»⁷. Героиня рассказа Тэсс – дипломница, студентка МГУ с пышным именем Жокерия.

С легкостью переходя от одной подробности к другой, она рассказывает, как выбирала свою профессию. В детстве она любила открывать новые труднопроходимые тропы вместе с отцом. Он любил водить ее в походы. На всю жизнь она запомнила рассветы над озером, первые ночевки в лесу... От рассказов о путешествиях она переходит к тому, что всегда хотела быть актрисой. Жокеря лукаво улыбается во время разговора с журналисткой Татьяной Тэсс, и вдруг эта улыбка исчезает. Девушка серьезно и доверительно сообщает, что ее желание пойти в артистки ничто по сравнению с жизнью без математики. «Я хотела найти такую область, где математика и техника были бы связаны с естественными науками. И я выбрала инженерную геологию».

Как угадать в крошечной, легкой как пушинка девушке со светлыми волосами и светлой прозрачной кожей инженерного геолога? Девушка слушает собеседника чуть-чуть наклонив голову набок, и в ее улыбке, обветренной шершавости маленькой руки, в походке много детского. В ее взгляде сосредоточенность, строгость, серьезность зрелого, углубленного в свои мысли человека.

Девушка может в подробностях объяснить, как изменяются грунты под давлением какого-либо сооружения, как они работают на сдвиг, что происходит под горными породами. Она в этом разбирается.

В репортаже с элементами интервью Татьяна Тэсс показывает самую обычную студентку, девушку, которой за сравнительно недолгое время удалось овладеть таким сложным ремеслом, как инженерная геология. Мир ее труда – это не природа пустынных озер, лежащий как капля лазури в ущелье, не горы в башлыках голубого льда, не сосны, гудящие под откосом. Там всего лишь строится самый обыкновенный дом.

Жокерия работала на практике на инженерно-геологических изысканиях в производственно лаборатории. Студентка проводила лето на берегу большого

⁶Татьяна Тэсс Рассказы художника//Огонек., №16, 1954 г., стр 27

⁷Татьяна Тэсс В одной лаборатории//Огонек, №17, 1955 г., стр. 3

14:

водохранилища, где видела осыпи берегов, грозные оползни, обнаженные корни стоящих на откосе деревьев; обрывы, рассеченные глубокими, злыми трещинами, разрушенные и сползающие к реке водокачки. Жокерия боролась с бунтом грунта, принимала самостоятельные геологические решения, ставила опыты и добивалась результатов. Каждый день к студентке прибегали со стройки и спрашивали: «Ну, что у вас получилось?»

Жокерия ощущала, что нужна на стройке. Ее работа была важна, а опыты необходимы для самых острых нужд правительства. На практике она впервые ощутила, что без добытых ею в лаборатории данных не обойдется.

«Я хочу, чтобы в мире был сохранен мир, чтобы люди могли работать и созидать, чтобы счастьем созидания был отдан наш труд и наши помыслы. И я хочу сам участвовать в этом созидании, хочу привести и отдать своему народу то богатство, которое я приобрел здесь, в мирной Советской стране, во Дворце науки».

В рассказе «Две прогулки по Шанхаю», прядильщица с текстильной фабрики, куда приходит Татьяна Тэсс, необычайно красива. Это тип простого человека, на тему которого Тэсс опубликовала «Рассказы художника» в 1954 году. Она не может вспомнить, где видела раньше это лицо с фарфоровым румянцем, блестящие глаза и улыбку, застенчивую и удивленную. Прядильщица прошла мимо журналистки, одетая в пушинки словно Снегурочка, и тут писательница узнает ее. Эта самая прядильщица не так давно снялась в фильме, где сыграла саму себя. «Оно была на экране совершенно такая же, как в цехе: веселая, с ловкими, маленькими пальцами и детской улыбкой, - и так же, как в цехе, на плечах ее лежали нетающие снежинки». Никакого разговора между прядильщицей и удивленной ее появлением журналисткой не состоялось.

В истории «Посейдон, бог морей»⁸ за 1957 год Татьяна Тэсс рассказывает о двух героях, коренных жителях Афин. Активный мужчина-гид в пенсне сначала предлагал ей приобрести открытки в Акрополе, а несколькими часами позже, случайно найдя ее в кафе, приводит своего друга-продавца греческих сувениров. Вместе они всучили писательнице ненужный ей сувенир – морскую губку. «Я могу показать вам Афины, - и мой знакомый в пенсне радостно улыбнулся». Тэсс попыталась отказаться, но на секунду замешкалась. Надавивший на жалость гид уселся рядом с ее шофером, и они поехали смотреть Афины. Первая встреча с ним опысывается так:

⁸Татьяна Тэсс Посейдон, бог морей//Огонек., 1957 год, № 49, стр. 18

15:

«Спускаясь, я наткнулась на проворного молодого человека в пенсне. Он ринулся ко мне, скользя по мраморным обломкам, и ловко, как веер, развернул набор открыток».

Немного покатавшись по Афинам, Татьяна Тэсс просит отвезти ее в район, где проживает сам гид. По дороге к его дому они встречают немолодую женщину с полной, бесформенной фигурой, но лицо ее еще красиво. Выясняется, что это жена гида. «Это моя жена, - нерешительно произносит гид. Она сказала, что в семье нашего соседа несчастье».

На кровати, прикрытый простыней до подбородка, лежал мервый человек. Длинное тело его казалось огромным. Глаза были закрыты. «По выражению отчужденности и строгости на его большом желтом лице я поняла, что он мертв».

Неизвестно, что стало причиной его гибели, но сосед был с характером и никогда не терпел по отношению к себе хамства или неуважительного отношения. «Просто бывают такие невезучие люди, - произнес мой спутник, смотря перед собой.- Очевидно, в этом все дело». Высокий и красивый как черт, он как-то устроился на работу шофером, но не удержался и высадил пассажира, который спяна по дороге начал молотить черт знает что и про него и вообще про греков. Пассажир полез к нему драться, и красивый грек ответил ему, но так, что тот повалился на асфальт. Потом он подобрал его, аккуратно уложил в машине и повез домой. Пьянчуга все понял. Позже оказалось, что он какая-то важная шишка. После этого случая семья умершего продала все, даже стулья.

Бывшему шоферу удалось устроиться на яхту к богатому французу. С ним ездила мексиканка с зелеными глазами и прической, как конский хвост. Она была очень красивой и влюбилась в молодого статного афинянина. «Подумаешь, больше дело! В меня тоже многие влюблялись», - рассказывал гид, поправляя пенсне. Гордый афинянин не стал это терпеть, высадился в первом порту и поплыл назад в Пирей. От всех его заработков только и осталось, что на старую моторную лодку. Он купил такую, стал рыбачить, и однажды ему повезло.

В этот момент к гиду подошла жена и начала что-то говорить. Он глядел, терпеливо помаргивал, и под глазами у него были мешки. Похожие друг на друга немолодые супруги стояли рядом.

16:

Погибший грек вылавливал под водой морских губок на продажу туристам, и однажды выловил уникальную бронзовую статую. «Когда я увидел ее на песке, я чуть не захлебнулся, такое со мной случилось. Я сразу понял, что это – счастье. Уж тут-то, - говорит, - я его не выпущу. Сам понимаешь, сколь я получу денег за то, что нашел такое сокровище. Уж тут-то мы не будем знать нужды. Вот оно, счастье!»

Водолазы полезли вместе с афинянином за бронзовой статуей. Нашедший показал, где она лежит, хлопотал вокруг так, словно сам ее сделал. Статую вытаскивали краном. «Осторожней! – кричит. - Не повредите!» В этот момент красавец неудачно подвернулся крану, и его раздавило статуей.

«В углу стояли трое детей – два мальчика лет по двенадцати-тринадцати и девочка чуть поменьше. Они смотрели на мертвого отца, не двигаясь, точно окаменели». В музее стояла статуя Посейдона, которую нашел их отец. Туристы, смотря на нее, шутили: «Он получил высокую награду. Значок за спасение утопающих».

В 1957 году А.Софронов, главный редактор журнала «Огонек», публикует рассказ Татьяны Тэсс «Цей мозамбик». Главная его героиня – простая уборщица, тетя Поля из деревни Радькин. Радьковские хозяйки были таковы, что заново белили печку, ежедневно приготовив обед. Тетя Поля отличалась от них тем, что ежедневно белила не только печку, но и стены хаты.

Работала она в гостинице. Как грамотный человек, она каждый день слушала радио и уже столько знала о радио, что удивить ее было нечем. Ее гостиницу отвели делегатам Всемирного фестиваля молодежи. Когда она осознала, что делегаты будут жить в ее гостинице и даже займут номера этажа, ноги у нее стали как ватные. На собрании директор скучным голосом сказал: «Будем бороться за чистоту, товарищи...». Возбужденная тетя Поля ответила: «Не с дитями говорите, товарищи...»

С делегацией приехал черный младенец. Мать не пришла на его крик. Тетя Поля привычно подняла младенца, подложив широкую ладонь под его черный задок. Ребенок раскрыл толстые губки и залился плачем. Ребенок хотел есть, и его отнесли к кормящей матери гарберобщице Терехиной. «Прямо зашло дите от крики», - говорила тетя Поля. «А такой славный мальчишечка, такой бедовый...»

17:

-Давай!- вдруг сказала Терехина решительно и расстегнула кофточку на две последние пуговицы. – Чего уж, раз такое дело! Не пропадать же парнишке. Небось, мамаша забегалась, не каждый день в Москву приезжает...⁹

-Откуда это его привезли? – спросила Терехина и положила ребенка удобней.

-Та с Мозамбика ж, чудачка! – сказала тетя Поля и с облегчением опустилась на соседний стул. – С Мозамбика...

В этом же году был опубликован рассказ Татьяны Тэсс «Самый красивый на свете»¹⁰. Доверс, богатый филантроп и собиратель искусства, сделал из слепого человека гида. Он научил его пониманию искусства, фантастически развил его память. Слепец Эджисто знал каждую картину лучше, чем если бы видел ее собственными глазами, и мог заткнуть за пояс любого зрячего гида.

«Я советую синьоре вначале постоять несколько минут на площади перед собором, - наконец сказал он. – В самом центре, в той точке, где четыре ряда колонн как бы сливаются воедино. Колоннада предстанет перед вами единым полукружием, величественным и вместе с тем непостижимо легким. Я не знаю, как синьора относится к барокко. – Он опять сделал в мою сторону легкий полупоклон.- Не всем по душе эта беспокойная грандиозность, прекрасная, но полная высокомерных преувеличений. – Он улыбнулся. – И все же, мне кажется, из всех творений Бернини колоннада перед собором – лучшее, что он создал. Оттуда же, с центра площади, поглядите на купол. Вы сразу ощутите, как он благороден и прост среди торжества барокко, его роскоши, его грандиозности. Это Микеланджело, синьора, это его божественная рука, вы узнаете ее сразу...»

Однажды писательница встречает его стоящим на улице. В темной шляпе, прямой, как свеча, он стоял в темной шляпе и темном отглаженном костюме. Татьяна Тэсс узнает его по квадратным плечам и изрепщанному морщинами лицу. Он казался неподвижным и прохожие обтекали его, словно об был камнем. У него на шее висела табличка: «Этот человек слеп. Он работал гидом у доктора Питера Эржисто. Помогите ему».

«Ночь в аэропорту» – рассказ о встрече. Леля дежурит в аэропорту ночью. Продрогшая девушка усаживает в самолет уезжающих в Хабаровск пассажиров и ждет, пока самолет побежит по бетонной дорожке, нырнет в темноту, станет похожим на звезду огоньком...

⁹Татьяна Тэсс Цей Мозамбик//Огонек, №45, стр. 19

¹⁰Татьяна Тэсс Самый красивый на свете//Огонек, №1, 1959 год, стр. 21

18:

Ее пассажиры поднимаются в небо. Нескончаемый рокот мощных двигателей льется с ночного небосклона. Тревожно и немного грустно слушать голос кузнечика, страстно и торопливо трещащего у Лелиных ног. Ночной аэропорт тоже «трещит». Раздающийся среди гула железных птиц «голос» насекомого напоминает о живой влюбленной девушке, одиноко смотрящей вслед людям, уже совершившим посадку на самолет.

Одного за одним она провожает разлетающихся в разные концы России пассажиров. Леля заботливо провожает взглядом взлетевшие самолеты и своих пассажиров, но в ее мыслях живет Андрей Петрович, одинокий отец, о котором она почти ничего не знает. «Уже четыре дня она не видела Андрея Петровича. Он работал на аэродроме механиком, и его дежурства совпадали с дежурствами Лели. Они иногда уезжали после работы вместе, на одном и том же автобусе, а последнее время Андрей Петрович стал ожидать Лелю у выхода». В один из вечеров ее возлюбленный не появился. Она терпеливо ожидала его на привычном месте, уставшая, некрасивая и бледная после ночного дежурства, но он так и не пришел. Неугомонный кузнечик продолжал трещать изо всех своих маленьких сил, «словно торжествовал, что он слышен в этом просторе, полном ночных шумов и шелеста ветра».

После двухлетней работы в аэропорту Леля стала очень наблюдательной. Любопытно разглядывая пассажиров, она всегда старалась угадать, куда они летят. «Вот этот человек с худым, подвижным лицом, одетый в плотное не по сезону пальто, кажется ей похожим на инженера. По всей вероятности, он летит в Свердловск». Она замечает, как краснолицый толстяк не задерживается в «Зале ожидания» и прямо в буфет, где сидит статный генерал вместе с сердобольным священнослужителем. «Миловидная полная дама с большим чемоданом наверняка готовилась вылететь в Адлер на отдых», - думала Леля.

На работе Леля встречает знаменитую актрису с простым, но очень уставшим лицом. «Отдыхать едут умные люди. А меня нелегкая несет на съемку», - ворчала она. В новой картине она собиралась играть «мамашу укротительницы змей». «Кобры, понимаете, не хватало в моей биографии», - жалуется на жизнь артистка. «В театре – репетиции, на студии – съемки; ношусь из Москвы в Баку, туда и обратно, как утка. Права была моя бедная мама, когда она уговаривала меня не становиться актрисой. То ли дело ваша работа, Лелечка... Каждый день – новые люди, новые встречи. Ах, Леля, милая Леля, если бы вы знали, как я устала быть актрисой».

19:

У Лели знаменитая артистка вызвала восхищение. Она глядела на ее сердитое лицо, седые волосы, сумку, из которой торчала разорванная пачка сигарет, и все это казалось ей необыкновенным. «Вы даже не представляете, как народ вас любит, - сказала Леля горячо. – Ведь это же такое счастье!». «Спасибо вам на добром слове», - ответила ей артистка. Через пару минут объявили посадку, и Леля заговорила особым, «дежурным» голосом. Строгая и слегка торжественная, она шла к самолету, а за ней легкой и молодой походкой следовала знаменитость. В этот раз Леля совершала ритуал проводов в особо приподнятом настроении, а когда корабль поднялся в воздух, все еще продолжала улыбаться.

Ее всегда беспокоили пассажиры, которые не приходили на посадку. В этот раз опадывал некий Сушкин. Флегматичный голос из рупора приглашал его пройти на борт. Леля старалась сохранить невозмутимое лицо. «Как часто даже самые солидные, почтенные люди по-детски теряются и суетятся на аэродроме! В такие минуты она, Леля, чувствует себя бесконечно взрослой, сильной, несущей ответственность за каждого из них». Недождавшись опоздавшего, Леля повела пассажиров на посадку. Тут, размахивая огромным портфелем, на аэродром рысью выбежал толстяк. Щеки его были багровыми от напряжения. Это то и был опоздавший по фамилии Сушкин, явно засидевшийся в буфете.

На душе у Лели беспокойно. «Но почему, почему на душе так тревожно и томительно», - думает она.

В аэропорту внимание Лели привлекла высокомерная брюнетка. «Она была очень хороша: грациозная голова на длинной шее, большие, блестящие глаза...» На ней было надето полосатое пальто мешком. Леля со свойственной ей женской проницательностью заметила, что оно сшито дорогим потрным. Со своим спутником брюнетка разговаривала по-французски, а по залу ступала на высоких, тонких, как гвозди, каблуках.

В самолет до Свердловска садилась молодая студентка в брюках. Она была красива. Едущие с ней чешские студенты что-то говорили, она слушала рассеянно и вглядывалась в темноту. Потом подошел белокурый геолог. «Он ничего не сказал, он даже не обратился к ней, просто стал неподалеку, а она сразу обернулась и вся вспыхнула, словно ее обдало теплом и светом». Леля увидела ее изумленные, сияющие глаза. Это были глаза человека, видящего счастье. Сотруднице аэропорта вдруг вдруг захотелось заплакать.

20:

Она уже думает, ждать ли ей своего провожатого. «Что, в конце концов, она знала об Андрее Петровиче? Только то, что он был на фронте и заслужил три боевых ордена, а сейчас он хороший механик, и товарищи его уважают. И еще то, что два года назад умерла его жена и он один растит маленького сына Алешу».

Он несколько раз проводил ее домой с работы. «Ну проводил и проводил», - думает Леля. «Что тут особенного? Он, наверное, забыл и думать об этом. А она все думает и никак освободиться не может от этой мысли... И не может заставить себя после работы сразу уехать». Не ждать его, не думать об этом...

Сзади Лели шепотом прощалась пара. «Ты самая лучшая, - сказал мужской голос почти беззвучно, одним дыханием. – Самая дорогая!» Молчание чужого счастья пронзало душу Лели.

Была объявлена посадка самолета из Праги. Мимо Лели, источая сладкий запах духов, пробежала красивая брюнетка в дорогом пальто. Француженка, нервничая, то подходила к калитке, то отходила прочь.¹¹ Счастливая встреча состоялась, у Андрея Петровича просто заболел ребенок.

1.2 Дореволюционная традиция в публицистике Корнея Чуковского

Известный детский писатель Корней Чуковский печатался в журнале «Огонек» с 1953 по 1964 годы. Журналистскую карьеру он начал в журнале «Одесские новости» в 21 год. В основном писал статьи о выставках и книгах. Спустя какое-то время его решили отправить корреспондентом в Лондон. Вместо того чтобы посещать здание парламента и слушать там речи о высокой политике, Корней Чуковский отправляется в библиотеку и взапой читает там Карлейля, Маколея, Хэзлитта, де-Куински и Мэтью Арнолда. В те годы он увлекался Робертом Браунингом, Россети и Суинберном.¹² Это приводит к тому, что вскоре его письма в газету становятся далеки от злободневной тематики, и Чуковского перестают печатать в газете. Им заинтересовался Валерий Брюсов, и писатель перешел работать в другое издание.

В России под впечатлением от дней броненосца «Потемкина» Чуковский занялся изданием сатирического журнала «Сигнал». Это стало возможным после манифеста 17 октября 1905 года, изданном с целью прекращения всеобщей забастовки и беспорядков 1905 года. Председатель Совета

¹¹Татьяна Тэсс Ночь в аэропорту//Огонек, 1956 г., номер от 15 января

¹²Чуковский К.И. Собрание сочинений в пятнадцати томах стр.5

21:

Министров Российской империи граф С.Ю.Витте писал Николаю 2: «лозунг свободы должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет».¹³ Этот документ стал одним из самых заметных событий в период первой русской революции. Он стал ее своеобразным итогом. «Сигнал» стал одним из самых популярных журналов 20 века и одним из самых интересных.¹⁴ Чуковскому удавалось привлекать к сотрудничеству писателей уровня Тэффи, Куприна, Сологуба, но после четвертого номера главного редактора посадили в тюрьму «за оскорбление величества» и «царствующего дома». Этот факт иллюстрирует то, как долго жил Чуковский. Он увидел внуков и правнуков. В старости он напишет: «Помню Куприна еще молодым человеком, еще до того, как он написал «Поединок», и юного Блока в студенческой нарядной тужурке». Корней Чуковский родился задолго до революции, его мать была крестьянкой, и юность Чуковского прошла в царской России, носителем ценностей которой он оставался всю свою жизнь.

В 1907 году Чуковский напечатал несколько книг, которые имели большой успех. Он издал переводы поэта Улта Уитмена, и они пришлись ко времени и были на ура приняты публикой. В этот же период Корней Чуковский занимался изданием своих критических очерков «От Чехова до наших дней». Вторая книга писателя была не менее успешна, чем первая.

Больше года Чуковский работал в малой прессе. После этого он перешел в «Ниву», а потом в «Речь» и «Русскую мысль». Там он помещал критические статьи о Гаршине, Федоре Сологубе, Леониде Андрееве, Куприне... Все это вошло в новые книги писателя. Чуковский способствовал тому, что свои мемуары написал Илья Репин, был лично знаком с Короленко. Корней Чуковский завел друзей в литературно-художественном мире. Перед Репиным он благоговел. «Если Репин стал любимейшим художником многомиллионного зрителя, то именно потому, что живопись его была осердечена, - написал на склоне лет Корней Чуковский в мемуарном очерке о своем старшем друге. - Мастерство и сердце - вот два равновеликих слагаемых, которые в своем сочетании и создали живопись Репина...», - так писатель говорил о художнике.¹⁵ В этот же период он познакомился с

¹³Фонд изучения наследия П.А.Столыпина//Манифест 17 октября - 1905 об усовершенствовании государственного порядка. /В.А.Демин

¹⁴Бочаров Ю., Инполит И. Журналы русские// Литературная энциклопедия: В 11 т. — [М.], 1929—1939. Т. 4.— [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930 — Стр. 240

¹⁵Исповедь горячих сердец *Илья Репин, Корней Чуковский*. Переписка: 1906-1926//Новый мир искусства, №4

22:

Алексеем Толстым, Леонидом Андреевым, Арикаем Аверченко, Надеждой Тэффи, Минским, Шаляпиным, Комиссаржевской, Кустодиевым, Александром Бенуа, завел друга-академика и начал увлекаться детской словесностью.

Чуковский сделал попытку завербовать лучших писателей и художников для служения детям, составив для издательства «Шиповник» сборник «Жар-птица». В 1916 году под руководством Горького Чуковский написал свою первую детскую сказку – «Крокодил». В то время Горький руководил издательством «Парус», но вскоре оно распалось. Тогда он перешел в «Ниву» и стал редактировать там приложение «Для детей». Маленькие читатели очень любили его «Крокодила». ¹⁶

Любимым поэтому Чуковского был Некрасов. Его раздражала легковесная работа в журналах и газетах, и, поговорив с Короленко, однажды решил основательно им заняться. Он обнаружил, что десятки ярких стихов, изъятых царской цензурой, так и остались неизвестны читателю. Другая же часть наследия Некрасова печаталась с цензурными исправлениями, даты были перепутаны, и Чуковский решил освободить поэта от самоуправной цензуры. Сблизившись с родственниками Некрасова, он добился того, что они передали ему часть написанных от руки работ любимого поэта. В этот же период друг Чуковского академик Кони предложил ему свой фонд некрасовских рукописей. В руки Чуковскому попали черновые и беловые рукописи «Кому на Руси жить хорошо», рукопись поэмы «Княгиня Волконская», черновики сатиры «Современники».

Спустя какое-то время Чуковский задался целью выработать канонический текст, свободный от цензурных искажений, и дать научный, историко-литературный и текстологический комментарий к стихам Некрасова. Около 5 тысяч новых, неизвестных аудитории стихов он предлагал включить в полное собрание сочинений его родственникам, но они ему отказали из коммерческих соображений. Над изданием Некрасова в книгохранилищах Москвы и Петербурга Чуковский проработал 6 лет. В 1926 году он закончил полное собрание сочинений Некрасова – главный труд своей жизни. В 1926 году вышла книга Чуковского о Некрасове в издательстве «Кубуч».

Корней Чуковский тяжело переживал революцию. Это привело к тому, что дореволюционные ценности он пронес через всю оставшуюся жизнь.

¹⁶Чуковский К.И. Собрание сочинений в пятнадцати томах стр.7

23:

В журнале «Огонек» 1954 года выходит заметка Чуковского о стихах Некрасова¹⁷ на смерть Шевченко. Большой исследователь творчества Некрасова, Корней Чуковский выделяет это стихотворение из прочих по той причине, что бог обличается в нем как злейший враг и губитель народа, и не один раз, а целых три. «Во всем литературном наследии Некрасова не найдется других стихов, где бог изображался бы как враг человечества, как источник зла», - пишет Чуковский в своей заметке.

Особенно сильным становится это обличение в момент, когда Некрасов говорит о последнем периоде жизни Шевченко. Корней Чуковский сравнивает Некрасова и Шевченко, поскольку оба они всем сердцем чувствуют творящееся вокруг них зло и неправду. Вернувшись из ссылки, поэт приближается к желанному счастью, но погибает.

Все, чего с юности ранней

не видывал,

Милое сердцу, ему улыбалось.

ТУТ ЕМУ БОГ ПОЗАВИДОВАЛ:

Жизнь оборвалась.

Чуковский пишет о злом боге-человеконенавистнике, который завидует каждой людской удаче или радости. Лучших из людей он преследует с особой жестокостью. Чуковский выделает следующую мысль Некрасова: провидение – это нечто «игривое», оно затем и медлит убивать свою жертву, чтобы оборвать человеческую жизнь именно в тот момент, когда больше всего на свете человек будет хотеть жить.

Но, сократить не желая

страдания,

Поберегло его в годы изгнания

Русских людей ПРОВИДЕНЬЕ ИГРИВОЕ.

Источником этой новаторской темы для Некрасова послужила книга Шевченко «Кобзарь», где эти мысли повторяются раз за разом. «Если бы

¹⁷Корней Чуковский О стихотворении Некрасова на смерть Шевченко //Огонек 1953 год стр.26

24:

существовал где-нибудь бог, разве он не предотвратил бы отчаянные муки людей?»

В «Кобзаре» Шевченко изображает горькую участь крепостного селянства. Их научают тому, что надо верить в бога и безропотно и радостно гибнуть. Шевченко чувствует народные страдания как свою, личную боль. И он, и Некрасов тяжело переживают участь закрепощенного русского народа. Чуковский пишет, что для них обоих не было ни единого звука, «под которым не слышно кипения человеческой крови и слез».

В то время многие из порабощенных людей неустанно уповали на милосерие божие. Шевченко неустанно твердит, что если в мире существует всевидящий бог, то судя по его делам он отличается беспощадной жестокостью. Корней Чуковский называет книгу Шевченко гениальной. Бог заодно с теми, кто угнетает народ, и он глумится над народными бедствиями.

Чи бог бачить із за хмари

Наші сльози, горе?

А бог куняє. Бо се було б

диво,

Щоб чути і бачить – і

не покарати.

Поэт постоянно упрекает безжалостного бога, задавая горькие вопросы в стихах. Бог слеп и равнодушен к попыткам закабаленных людей, которых вешают, мордуют и распинают. «Дочку э теличку однамаэ у мужика... і бог не знаэ».

А ти, всевидящее око!

Чи ти дивилося звисока,

Як сотнями к кайданах гнали

С Сибір невольників святих,

Як мордували, розпинали

І вшали?!

25:

Если бог желал добра людям, то он оставил бы их впокое, отвернулся бы от них. С горьким украинским юмором Шевченко восклицал:

Коли однопочити

Ляжяш, боже утомлений?

И нам даси жити!

Корней Чуковский выдвигает литературоведческую гипотезу о том, что Некрасов вводит в свое стихотворение образ врага-мучителя под впечатлением от стихотворений Шевченко, которые к тому моменту существовали только в рукописях и передавались с рук на руки. Чуковский не сомневается в том, что Чурнышевский, Добролюбов и Некрасов знали полный «Кобразь», без цензурных купюр, поскольку были близки с Шевченко.

Корней Чуковский вслед за своим любимым поэтом Некрасовым говорит о неестественности рабства. Судьба крепостного крестьянства, неестественное положение рабства, в котором находился русский народ на протяжении столетий, великие ценности гуманизма.

28 номер «Огонька» посвящен Антону Павловичу Чехову. В нем публикуется материал Чуковского о подвижничестве Чехова-литератора¹⁸.

В «Подвиге» Чуковский вспоминает литературного критика, который называл произведения Чехова «рухлядью», «дребеденью», «ерундишкой», «жеваной мочалкой», «канифолью с уксусом». Такого же мнения придерживался и сам Антон Павлович. Свои труды он обзывал пьесенками, а рассказы дребеденью и рухлядью.

Выдвинувшись среди писателей своего поколения на первое место, Антон Павлович отзывался о себе как о неважном драматурге. Примеряя к себе табель о рангах, он ставил себя на тридцать седьмое место, в русском искусстве на девяносто восьмое. Чуковский цитирует Чехова: «Постараюсь нацарапать какую-нибудь кислятинку», «накатал я повесть», «...кое-как смерекал 2 рассказа». Корней Чуковский отзывался об этом его качестве как о нечте замечательном.

Чуковский приводит такой отзыв Чехова о Чайке: «Пьесу я кончил. Называется: «Чайка». Вышло не ахти. Вообще говоря драматург я

¹⁸Корней Чуковский Подвиг //Огонек 1954 №28 стр. 17

26:

неважный». С юности он относился к своему дарованию торжественно, сурово и требовательно, но взял за правило никогда этого не показывать. Он дал себе зарок ни перед кем не похвалиться величию своего литературного подвига. Помимо подвигов литературных, Чехов был способен совершать совершенно иррациональные поступки. Таким поступком была его поездка на Сахалин.

Чуковский рассказывает о поездке Чехова на южный Сахалин для изучения быта сосланных туда каторжан. «Я до сих пор, - утверждает Ежов, - не понимаю поездки Чехова на Сахалин. Зачем он туда ездил? За сюжетами может быть? Не знаю». Чехов предпочел уйти от карьеры преуспевающего модного автора из-за мучительного недовольства собой и своими успехами. Вместо того, чтобы пожинать плоды своей успешности и ехать путешествовать в Париж или Рим, Чехов поехал изучать быт каторжников и развивать свой литературный талант, чтобы соответствовать своим требованиям и быть достойным свалившейся на него славы.

Он писал на эту тему: «Поездка – это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это необходимо... надо же себя дрессировать». Поездке предшествовала долгая подготовка. Чехов хотел вступить в борьбу с русской каторгой не как легковесный публицист, а как серьезный, хорошо вооруженный ученый. На Сахалин он поехал «не по железной дороге, которой еще тогда не было, а на лошадях, в тарантайке, в распутицу по единственным в мире кочкам, колеям и ухабам, «выворачивающим из человека всю душу, нередко ломавшим колеса и оси». Чуковский пишет, что в дороге у Чехова разболелись суставы, ключицы, плечи, ребра, позвонки. «Чемоданы то и дело взлетали на ухабах, руки-ноги у него коченели от холода, и есть ему было нечего, так как он по неопытности не захватил с собой нужной еды». Только чудо спасло его от смерти. Однажды ночью на него налетело две тройки. Был случай, когда пароход наскочил на подводные камни. Чехов претерпевал в пути бесконечные лишения и мучения. «Только чудо спасало его от смерти», - пишет Корней Чуковский. Чехов помчался туда, куда тысячи и тысячи людей гнали силой. После этого Чехов писал своим знакомым: «Путешествие было вполне благополучное... Дай бог всякому так ездить». Говорить посторонним о своих испытаниях и подвигах ему, как умному человеку, не хотелось. Писатели, изучавшие каторгу до Чехова и оставившие свои книги об этом, сами были ссыльными каторжанами. Цель Чехова, по Чуковскому, была в том, чтобы «принести хоть какое-то облегчение бесправным, отверженным

27:

людям, и хоть немного защищать их от произвола бездушно-полицеской системы». Пример этому в русской литературе было предостаточно, и это послужило причиной поездки Чехова за тысячу верст в крайне некомфортных условиях.

Чуковский пишет о Чехове как о застенчивом герое. На мой взгляд, Чехов мог и просто сбежать от славы как от всякого лицемерия и лжи, которого он старался избегать всю жизнь. Негативный опыт общения с ложными почитателями его таланта подарили ему великолепное чувство юмора. Вспоминается строчка из письма, процитированная Чуковским: «Чтоб всем так ездить». Антон Павлович был самым каторжным работником из всех каторжников, находившихся на острове.

Чехов занялся переписью всего населения острова Сахалин. По площади он был в два раза больше целой страны – Греции. Переходя из избы в избу, он сделал ее один, без помощников, от одной камеры к другой. На обратном пути Чехов простудился и стал кашлять гораздо сильнее, чем раньше. Во время поездки на Сахалин Чехов был болен туберкулезом. «Он несколько месяцев кряду провел в таких невыносимо тяжелых условиях, которые и для здорового человека могли оказаться губительными. В этой поездке он истратил все свои деньги, и она снова ввергла его в тяжелую нужду. Через четыре года он напишет об этой добровольной ссылке: «Я истратил на поездку и на работу столько денег и времени, сколько не получу назад и в 10 лет». Случайные дорожные спутники обворовывали его как могли, а иным ямщикам ему приходилось платить вдвое и втрое больше, чем положено.

Позже, в одном из писем Горькому, очутившись в сельской глуши, он писал: «О, это ужасно, это похоже на путешествие по Сибири!»

Кашляющий и с перебоями сердца, вернулся Чехов назад. О своем путешествии он говорил в тоне ироническом: «Да, Сашечка, объедил я весь свет, и, если хочешь знать, что я видел, то почти басню Крылова «Любопытный». Какие бабочки, мурашки, мушки, таракашки!». Ранее посещавшие Сахалин русские совершали изумительный подвиг, за который можно было бы боготворить человека. «Нужно ли доказывать, что к числу таких подвижников принадлежал и он сам!» Чехов же, вернувшись из поездки, предпочитал о ней не говорить.

Чехов сердился, когда журналы называли его высоко-талантливым, и протестовал против включения его в список авторов журнала, которым он на

28:

самом деле не являлся. Чехов протестовал против громких эпитетов для писателей и высказывал убеждение, что лучшая реклама для писателя – это скромность.

Чехов пишет Короленко в 1887 году: «Их всех благополучно пишущих Россиян я самый легкомысленный и несерьезный. Незадолго до этого были напечатаны такие его произведения, как «Счастье», «Дома», «Верочка», «Недоброе дело» и многозначительный рассказ «На пути». После того, как к нему пришла слава, Чехов написал: «Мне не нравится, что я имею успех... обидно, что чепуха уже сделана, а хорошее валяется в складе, как книжный хлам».

Антон Павлович, признанный всеми, не чувствовал удовлетворения от работы, настолько она была мелкой, но на тему своей славы шутил: «В Питере теперь два героя дня. Нагая Фрина Семирадского и одетый я». Чехов предпочитал никого не пускать в свой внутренний мир. «Около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее». Чуковский прекрасно знал, что Чехов хранил в тайне все связанное с его творческой личностью и имел привычку таиться от окружающих. На вопросы о своих писательских исканиях и замыслах он, видимо, не отвечал, а только отшучивался.

Слава вызывала у Чехова огромное недовольство собой и своей литературной работой. «Делом я занимаюсь или пустяками», - писал он. По Чуковскому отречение художника от своего мастерства свойственно только великим русским писателям. Ни в одной другой стране, кроме России, писатели уровня Толстого и Гоголя не презирали «то великое, что создано им», и не искали более плодотворного служения людям. Более плодотворного служения людям для мыслителей уровня Толстого и Достоевского просто не могло быть. Чехов, отдавая всю свою душу беллетристике, называл ее потом несерьезным, ненужным и вздорным делом. «Потягивает меня к работе, но только не к литературной, которая приелась мне».

Отказ Чехова от занятий литературой не был столь громким, как у Толстого и Чехова. Антон Павлович скрывал свой отход от беллетристики, не заявляя об этом громко и демонстративно, на весь мир. В характере Чехова была скрытность и скромность.

Чуковский рассказывает о поездке Чехова на южный Сахалин для изучения быта сосланных туда каторжан. «Я до сих пор, - утверждает Ежов, - не

29:

понимаю поездки Чехова на Сахалин. Зачем он туда ездил? За сюжетами может быть? Не знаю». Чехов предпочел уйти от карьеры преуспевающего модного автора из-за мучительного недовольства собой и своими успехами. Вместо того чтобы пожинать плоды своей успешности и ехать путешествовать в Париж или Рим, Чехов поехал изучать быт каторжников и развивать свой литературный талант. Он должен был соответствовать своим требованиям и быть достойным свалившейся на него славы.

Он писал на эту тему: «Поездка – это непрерывный полугодовой труд физический и умственный, а для меня это необходимо... надо же себя дрессировать». Поездке предшествовала долгая подготовка. Чехов хотел вступить в борьбу с русской каторгой не легковесный публицист, а как серьезный, хорошо вооруженный ученый. На Сахалин он поехал «не по железной дороге, которой еще тогда не было, а на лошадях, в тарантайке, в распутицу по единственным в мире кочкам, колеям и ухабам, «выворачивающим из человека всю душу, нередко ломавшим колеса и оси». Чуковский пишет, что в дороге у Чехова разболелись суставы, ключицы, плечи, ребра, позвонки. «Чемоданы то и дело взлетали на ухабах, руки-ноги у него коченели от холода, и есть ему было нечего, так как он по неопытности не захватил с собой нужной еды». Только чудо спасло его от смерти. Однажды ночью на него налетело две тройки. Был случай, когда пароход наскочил на подводные камни. Чехов претерпевал в пути бесконечные лишения и мучения. «Только чудо спасало его от смерти», - пишет Корней Чуковский. Чехов помчался туда, куда тысячи и тысячи людей гнали силой. После этого Чехов писал своим знакомым: «Путешествие было вполне благополучное... Дай бог всякому так ездить». Говорить посторонним о своих испытаниях и подвигах ему, как умному человеку, не хотелось. Писатели, изучавшие каторгу до Чехова и оставившие свои книги об этом, сами были ссыльными каторжанами. Цель Чехова, по Чуковскому, была в том, чтобы «принести хоть какое-то облегчение бесправным, отверженным людям, и хоть немного защищать их от произвола бездушно-полицеской системы». Примеров этому в русской литературе было предостаточно, и это послужило причиной поездки Чехова за тысячу верст в крайне некомфортных условиях.

Чуковский пишет о Чехове как о застенчивом герое. На мой взгляд, Чехов мог и просто сбежать от славы как от всякого лицемерия и лжи, которого он старался избегать всю жизнь. Негативный опыт общения с ложными почитателями его таланта подарили ему великолепное чувство юмора.

30:

Вспоминается строчка из письма, процитированная Чуковским: «Чтоб всем так ездить». Антон Павлович был самым каторжным работником из всех каторжников, назодившихся на острове. Этическая ценность, о которой пишет Чуковский в материале «Подвиг» - подвижничество.

Чехов занялся переписью всего населения острова Сахалин. По площади он был в два раза больше целой страны – Греции. Переходя из избы в избу, он сделал ее один, без помощников, от одной тюремной камеры в другую. На обратном пути Чехов простудился и стал кашлять гораздо сильнее, чем раньше. Во время поездки на Сахалин Чехов был болен туберкулезом. «Он несколько месяцев кряду провел в таких невыносимо тяжелых условиях, которые и для здорового человека могли оказаться губительными. В этой поездке он истратил все свои деньги и снова оказался в тяжелой нужде. Через четыре года он напишет об этой добровольной ссылке: «Я истратил на поездку и на работу столько денег и времени, сколько не получу назад и в 10 лет». Случайные дорожные спутники обворовывали его как могли, а иным ямщикам ему приходилось платить вдвое и втрое больше, чем положено.

Позже, в одном из писем Горькому, очутившись в сельской глуши, он писал: «О, это ужасно, это похоже на путешествие по Сибири!»

Кашляющий и с перебоями сердца, вернулся Чехов назад. О своем путешествии он говорил в тоне ироническом: «Да, Сашечка, объедил я весь свет, и, если хочешь знать, что я видел, то прочти басню Крылова «Любопытный». Какие бабочки, мурашки, мушки, таракашки!». Ранее посещавшие Сахалин русские совершали изумительный подвиг, за который можно было бы боготворить человека. «Нужно ли доказывать, что к числу таких подвижников принадлежал и он сам!» Чехов же, вернувшись из поездки, предпочитал о ней не говорить.

Чехов сердился, когда журналы называли его высоко-талантливым, и протестовал против включения его в список авторов журнала, которым он на самом деле не являлся. Чехов протестовал против горючих эпитетов для писателей и высказывал убеждение, что лучшая реклама для писателя – это скромность.

На свои заработки Чехов построил три школы для крестьянских ребят. В годы неурожая самоотверженно работал на голоде, в качестве врача во время эпидемии холеры он вылечил обширнейший круг людей. В течение всей своей жизни он совершал подвиги, о которых кстати вспоминает Чуковский в

31:

своем материале. Чехов стремился, чтобы все эти факты ни в коем случае не стали достоянием гласности. Он упорно и неутомимо заботился, чтобы они не просочились в печать.

Нравственный принцип Чехова состоял в том, чтобы не афишировать себя, не быть подальше от выставки, не извлекать из своего дарования никаких привелегий, чтобы они не стояли преградой между ним и другими людьми, никогда, ни при каких обстоятельствах не разрешать себе зазнайства и чванства. «И нельзя не желать», - пишет Чуковский, - чтобы пристальное изучение жизни и творчества Чехова помогало нашим молодым писателям вырабатывать те высокие моральные принципы, которые делают его светлое имя синонимом благородства и писательской скромности».

В 1959 году Корней Чуковский публиковал в журнале «Огонек» загадки и стихи для детей. Он очень любил проводить с ними время, любил своих внуков, и поэтому написал целую книгу о детской лингвистике «От трех до пяти». В своей книге «От двух до пяти» он писал: «Мне кажется, что начиная с двух лет всякий ребенок становится на короткое время гениальным лингвистом, а потом, к пяти-шести годам, эту гениальность утрачивает. В восьмилетних детях ее уже нет и в помине, так как надобность в ней миновала: к этому возрасту ребенок уже полностью овладел основными богатствами родного языка. Если бы такое чутье к словесным формам не покидало ребенка по мере их освоения, он уже к десяти годам затмил бы любого из нас гибкостью и яркостью речи. Недаром Лев Толстой, обращаясь ко взрослым, писал:

"Ребенок сознает законы образования слов лучше вас, потому что никто так часто не выдумывает новых слов, как дети».

Раздел «Сатира и юмор»:

-Разве ты не знаешь, что все люди произошли от обезьяны, и я, и твоя мама?

-Вы как хотите. А моя мама – нет.

Хвастает:

- Меня приняли вчера в октябрята. Это уже полпионера!

Вырвали зуб

-Пусть он теперь у врача в банке болит!

32:

О портрете Гончарова.

-Он уже умер, да? А кто же теперь его заместитель?

-Деток мамы родят, а взрослых людей кто?

Вырнулся из зоопарка.

-Ну, Алешенька, что ты там видел?

-Машину!

(Грузовик, поливающий дорожки)

-У мамы сердечко болело, и она пила болерьянку.¹⁹

И художник, и литератор у Корнея Чуковского

В 1964 году Корней Чуковский публикует в «Огоньке» материал под названием «И художник, и литератор» и разделе «Искусство»²⁰. Писатель открывает для себя художника слова Кузьмина, известного иллюстратора, который до старости лет предпочитал писать в стол. Его книга прельщает Чуковского зрелостью своей поэтической формы. «Знаток языка, тонкий, изощренный стилист, мастер писательской техники – вот каким предстает перед нами этот «неопытный», «начинающий» автор. Детский писатель не совневается, что художник всю жизнь просидел в начинающих писателях. В его стиле нет ни одной неряшливой, неуклюжей корявой фразы! По мнению Чуковского, такой стиль мог бы служить образцом для любого начинающего писателя.

Хорош художник Кузьмин, и не менее хорош оказался Кузьмин-литератор. Чуковский приводит несколько примеров невнимательного отношения к стихам, на которые пишется картина, и говорит о том, что хорошему иллюстратору в первую очередь необходимо иметь высокий уровень культуры. Это и только это может служить гарантией того, что события стихотворения, в котором царит летняя жара, не будут изображены как зимние. «Помню, еще в досоветское время в Москве вышло «роскошное» издание «Войны и мира» с иллюстрациями бойкого художника Апсита. Было похоже, что симфонию Бетховена пытается сыграть на барабане дикарь.

¹⁹Корней Чуковский От трех до пяти//Огонек, №1, 1953 год, стр.5

²⁰Корней Чуковский «И художник, и литератор» [Электронный ресурс] //

<http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/kuzmin.htm>

33:

Только выдрав из этой книги все иллюстрации – все до единой! – можно было спокойно приняться ха чтение». Нельзя допускать, чтобы за иллюстрирование классики брался художник с нищенски убогой душой, художник, неспособный понять глубинный замысел поэта, художник, чья внутренняя духовная жизнь мещански бедна.

Когда-то Врубелю удалось проиллюстрировать «Моцарта и Сальери», и это вызвало восторг у Врубеля. Александр Бенуа понял пушкинского «Медного всадника», Вл.Фаворский прекрасно нарисовал «Слово о полку Игореве», проиллюстрировал Пушкина, Бернса.

Успехи художника Николая Кузьмина заключались в полном понимании авторов, над иллюстрациями к произведениям которых он работал. «Сюита его иллюстраций к «Евгению Онегину» (1933) входит органически в пушкинский текст и образует с ним единое целое», - пишет Корней Чуковский. «Трудно отказаться от мысли, что Пушкину они пришлись бы по душе». У Пушкина Кузьмин берется иллюстрировать лирические отступления в романе. В них ярче всего отражается поэтический стиль автора.

Также талантливо Кузьмин иллюстрирует бурлески Козьмы Пруткова. Создается впечатление, что он сам принадлежал к кружку остроумных сочинителей эпиграмм, насколько его иллюстрации вписываются в общую канву произведения.

В иллюстрациях к старинным сатирическим очеркам Чуковский увидел «не только всю бутафорию тех далеких годов - мебель, портьеры, обои, одежда, - но и позы, и прически, и выражения лиц - все было воскрешено, словно магией». Литературность Кузьмина обеспечила ему успех у Чуковского.

Открыв для себя писательское мастерство Кузьмина, Чуковский признает, что оно ничем не уступает художественному. Каждого персонажа рассказов или повестей Кузьмина характеризует не только речевые особенности, но и убранство его комнаты, одежда и утварь. Все эти предметы сигнализируют о душевных переживаниях героя. «Таков, например, кусок мела, который был раздавлен у классной доски толстыми и глупыми пальцами Пьера Ширинкина в ту минуту, когда этот дюжий кретин получил заслуженную им единицу», - делится Чуковский результатами своих исследований. Вещи у Кузьмина обладают типичны, и это позволяет им точно отразить черты характера героев и показать их внутренний мир.

34:

Страстный книголюб Кузьмин характеризует своих персонажей и любимыми книгами. Его герой, учитель Гурий Степанович из рассказа «Последний лес», привлекателен тем, что увлекается философской поэзией: Тютчевый, Владимиром Соловьевым, Фетом, любит Григория Сковороду и Достоевского. Детские годы самого писателя были перенасыщены книгами. В рассказе «Последний класс» Кузьмин предстает мальчиком, «которого тесным кольцом окружают книги Чехова, Горького, Леонида Андреева, Эдгара По, Оскара Уайльда, Гамсуна, и каждая из этих книг воспринимается им как событие». Чуковский восхищен познаниями Кузьмина в литературе. «он с юных лет опьянен и зачарован стихами, знает их тысячи: и Никитина, и Щербину, и Апухтина, и Сологуба, и Блока! Охотно и щедро он цитирует их у себя на страницах».

Этим увлечением литературой объясняется тонкое понимание художественного текста, иллюстрации к которому он делает. Путем неустанной работы над своим воспитанием сын захолустного портного пробился из пошлости и грязи к высшим ценностям всемирной культуры. Этим путем он спасся от угрожавшей ему обывательщины. «

Книги, стихи и картины (которые он еще мальчиком стал изучать по разным ничтожным открыткам) были для него единственным спасением от мещанской трясины», - заключает Корней Чуковский.

В 1960 году Чуковский публикует в «Огоньке» материал под названием «Был, есть и будет прекрасен» об Антоне Павловиче Чехове. «Непримиримая ненависть ко всякой лжи» во многом определила его литературную манеру, стиль и язык. Праводолюбие Чехова – глубоко народная, национальная черта его личности.

Антон Чехов не отделяет личной морали от общественной. По Чехову, искренними борцами за социальную правду не могут быть люди нечестные в быту. «Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, о свободе и т.п., в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, на морозе ждут кучера, - это значит лгать святому духу». В своих рассказах Чехов от начала и до конца протестует против неправды. Общественная мораль может опираться только на высокое благородство каждого.

Крестьянство – общественный слой, в котором сквозь темноту и забитость Чехов видел веру в правду, тягу к ней, и это импонировало ему. Маляр Мисаих из произведения Чехова «Моя жизнь» верит, что главное на земле

35:

есть правда, и что спасение его и всего народа лишь в правде. Потому больше всего на свете он любит справедливость. Замученный бессмысленной и беспросветной работой крестьянин из рассказа «По делам службы» несмотря на все невзгоды сохраняет веру в то, что «на этом свете неправдой не проживешь».

К. Чуковский утверждает, что протест Чехова против лжи не только идея и направление, за ним стоит огромный политический смысл. «Видеть и слышать как лгут... И тебя же называют дураком за то, что ты терпишь эту ложь; сносить обиды, унижения, не смей открыто заявить, что ты на стороне честных, свободных людей, и самому лгать, улыбаться, и все из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишка, которому грош цена, - нет, больше жить так невозможно!»

14 января 1981 года Антон Павлович Чехов писал своей сестре, что его окружает атмосфера злого, крайне неопределенного и непонятного чувства. «Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифферамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Черт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы этим больше удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство! Не люди, а плесень».

После провала Чайки Антон Чехов наблюдал выражение злорадства у людей, которые притворялись его последователями и почитателями. Завистники наслаждались мучениями талантливого человека, пьеса которого по каким-то причинам провалилась, и никто не хотел знать об истинных причинах, которые вполне могли оказаться политическими или основываться на неподготовленности аудитории. Лицемерные почитатели писательского таланта Чехова радовались чужому горю, чужой неудаче, и в каждой строке торжествующих критиков, Ясинского, например, чувствуется злорадство. «Все, с кем я до 17-го октября дружески и приятельски откровенничал, беспечно обедал, за кого ломал копья (как, например, Ясинский), - все эти имели странное выражение, ужасно странное...». Глубокий психолог Чехов очень долго не мог ясно взглянуть на окружающих его людей, и когда ему это все-таки удалось, оказался ужасно разочарован и одинок. «Новых привязанностей нет, - признавался он в 1892 году, - а старые ржавеют мало-помалу и трещат под напором всеокрушающего времени».

Подобный опыт сделал Чехова более закрытым и холодным, он уже не был так открыт, никому особенно не доверялся и ни с кем не беседовал доверительно

36:

и по-приятельски. В письмах он сохранял напускную видимость дружелюбия, и в целом от его писем веяло холодком, хоть он и продолжал оставаться социальной личностью и не обрывал отношений с людьми совсем. Чехову была присуща деликатная манера письма, и только из-за нее он сохранял налет дружелюбия в своих письмах. Из-за личных обид из его писем исчезла искренняя богатая словесная живопись, которой сверкали первые тому его сочинений вплоть до девяностых годов. Там он рисовал для друзей и родных все, что видел, и крестный ход, и казацкую свадьбу, и вагонного попутчика, и степь. Позже он стал как будто жаднее и перестал дарить краски и образы своей души, делиться щедротами своей писательской живописи. Горькое разочарование в друзьях каждый раз вызывало в Чехове горькую душевную боль.

Состояние Чехова очень хорошо было описано Блоком:

Было время надежды и веры большой -
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь - тех надежд не отыщешь следа,
Все к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душой тогда,
От того отвернуться пришлось.

После смерти Чехова Чуковскому пришлось лично убедиться в том, насколько враждебно относилась к писателю окружающая его писательская группировка. Приехав на похороны русского прозаика, он удивился ничем не прикрытой враждебностью к нему. Окружение Чехова не переставало ему завидовать даже после смерти. Трое из его друзей непритворно сочувствовали умершему. «Остальные были явно ущемлены его славой», - пишет Чуковский. Алексей Луговой, с которым Чуковский поделился своим восторгом от творчества Чехова, услышал в ответ обиженное «Дутая знаменитость!». Он совершенно искренне считал себя непризнанным гением.

Вопросы правды и лжи занимали важное место в творчестве писателя. Эта тема часто поднималась в его произведениях. Вслед за Чеховым Чуковский выделяет тип лжи, внушенный лживыми побуждениями. В пример приводится лгущая, но не осознающая этого мать Володи из одноименного рассказа Чехова «Володя». «Ложь чувствовалась в ее манере говорить, в

37:

выражении лица, во взгляде, во всем». Лицемерные помыслы скрывала напускная ложь женщины, матери маленького мальчика.

- Вы лжете! - повторил Володя и ударил кулаком по столу с такой силой, что задрожала вся посуда и у татап расплескался чай. - Для чего вы рассказываете про генералов и баронесс? Все это ложь!"

В жизни, особенно в юные годы, Антон Чехов симпатизировал тем, кто также как и он любил правду и правдивость, и был склонен к обличению лицемерия и лжи. В возрасте это дало свои плоды и максимализм правдивости сделал из Чехова писателя-классика, которого с удовольствием читают истинные его почитатели. Максимализм правдивости помогал Чехову, как сказал бы Белинский, в борьбе с «гносной расейской действительностью».

К 75-летию любимого поэта Некрасов публикует «Заметки о Некрасове» с подзаголовком «Прозрение будущего» в разделе «Писатели и книги». Любое слово Некрасова было «современность», и весь свой могучий талант он отдал ей. В своих стихах он рисовал картины неловкого существования трудового люда. Чуковский цитирует такие трагические стихи Некрасова:

Будет бить тебя муж-праведник

И свекровь в три погибели гнуть.

Били вас палками, розгами, кнутьями,

Будете биты железными прутьями.

Будущие судьбы людей коренятся в социальной действительности и полностью обусловлены ею.

От работы и черной и трудной

Отцветешь, не успевши расцвести...

Органическое свойство поэзии Некрасова: на основе того, как живет в настоящее время изображаемый им человек, поэт мысленно конструирует самую суть будущего. Некрасов делает пророчества о русском народе, и за это он любим Чуковским:

В случайной жизни берегов

Моей реки любимой

38:

Освобожденный от оков

Народ неутомимый

Созреет, густо заселит

Прибрежные пустыни,

Наука воды углубит:

По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут

Несчетною толпою,

И будет вечен бодрый труд

Над вечною рекою...²¹

1.3 С Особенности публицистики Анатолия Софронова в журнале «Огонек»

Одна из ключевых тем материалов Анатолия Софронова – отношение к русским зарубежом. Свою заметку «Под знойным небом Аризоны»²² он начинает с рассказа о корреспонденции, описывающей вопиющий случай. Владелец конторы по снабжению предметами ухода за домом в Фениксе организовал выступление русского оратора. Якобы это был один из русских журналистов, прилетевший в Аризону раньше с целью произнесения речи. Некий Тотелов в пух и прах раскритиковал американок и американский бизнес. Оратор не говорил на английском. Его речь была заранее переведена именно с этой целью. «Речь была заранее прервана, когда на собрание явились два помощника шерифа из графства Пинал и заявили, что пришли арестовать мистера Тотелова как самозванца», - пишет Софронов. Было объявлено, что в действительности Тотелов – адвокат из Феникса Иль Потэ.

Потэ специально отрастил усы и выучил 20 русских слов. Беспреданно их повторяя в течение вечера, «он соранял строгую мину, без улыбки, даже когда

²¹Корней Чуковский Заметки о Некрасова//Огонек, 1953г, №1, стр. 20

²²Анатолий Софронов Под знойным небом Аризоны//Огонек, 1956г., №5, стр. 25

присутствовавшие делали унижительные замечания относительно его внешности, манер и предполагаемого происхождения». А.Софронов воспринимает публикацию такого текста как провокацию и реагирует следующим образом: «Каждый шутит по-своему. Но видно, что шутки, даже в таком веселом штате, как Аризона, зашли столь далеко, что помощникам шерифа пришлось арестовать шутника».

1-й пост Американского легиона публично высказал свое отрицательное отношение к визиту А.Софронова в Аризону. Еще одна группа американцев ратовала за то, чтобы русских приняли также, как они принимали американскую делегацию в России.

А.Софронов внимательно подмечает национальные традиции стран, в которых бывает. В Аризоне он пишет: «Дети почти с младенческого возраста приучаются в Америке к уважению и верности национальному флагу». Остановившись в доме у американской пары с детьми, он узнает, что все в доме, кроме его хозяев, знают русский язык.

-Знаете ли вы песню вечерний звон?

-Конечно, знаем.

-Ах, спойте... Я так ее любила... Я когда-то жила в Риге...

В объемном материале большое внимание уделено факту празднования годовщины 38-й Великой Октябрьской революции. «Господа, я должен буду вас предупредить. Около гостиницы возможны пикеты. Мы приняли меры. Два человека арестованы полицией».

А.Софронов и его журналисты горько улыбнулись в ответ на такое сообщение. Им было неприятно, что в канун праздника арестовывают людей. К тому же до этого Софронов стал свидетелем гибели талантливого гонщика. «Смерть Магкрата – очередной вклад в черный год истории автомобильных гонок», - писали американские газеты. По дороге в отель водитель предложил пикетчиков давить. «Давать этих подлецов надо! – вдруг с неожиданной злостью проговорил Клукхон, садясь рядом с шофером». Имелись в виду пикетчики.

В гостинице журналисты, заранее подготовленные к празднованию годовщины революции, достали припасенную водку и банку черной икры; заказали в ресторане сэндвичи и фрукты. Алексей Аджубей на большом листе бумаги красным карандашом написал: «Да здравствует 38-я годовщина

40:

Великой Октябрьской революции!». «Да дравсвует наша любимая родина!»
«Сбор на демонстрацию в связи с тем, что мы находимся зарубежом,
отменяется».

По дороге Анатолий Софронов с товарищами сочинил песню.

Здесь плещет Тихий океан

Бегут дороги горные...

Проехали мы много стран до штата Калифорния

Сейчас в Москве горят огни,

Дождями небо хмурится

А мы встречаем день одни

На иностранных улицах

Да, город Фриско знаменит,

Висят мосты гигантские

И берег солнечный омыт

Водою океанскою.

Шикарно в городе живут,

Машины на обочинах;

Хоть золота немало тут,

Но больше позолочено.

Шумит веселый Голливуд,

Горят огни несметные...

А над Москвой уже встают,

Горят лучи рассветные...

В этой песне все: и тоска по родине, и патриотизм, и любовь к родной земле. Софронову рассветные лучи Москвы милее шума веселого Голливуда, в американских городах для него «позолочено». Вдали от русских людей день

41:

за днем в чужой ему стране он встречается с одиночеством. «А мы встречаем день одни на иностранных улицах».

Положительно характеризует русских гостей в Америке такой приведенный А.Софроновым диалог:

-Выпьем за веру, за царя, за отечество! Ха-ха-ха!

-А разве у тебя есть что-либо и этих трех предметов?, - хмелея, спросил Стив Райзина.

- У меня есть деньги, и этого достаточно, чтобы иметь все, что я хочу, в избытке.

-Врешь, страя собака!.. Ничего у тебя нет!

После он заказал мясное блюдо черному официанту, а когда он пришел сообщить ему, что сегодня его в меню нет, закричал:

-Эти черные скоты всегда что-нибудь напутают!

Русские журналисты поднялись.

-Мы являемся вашими гостями, но не можем допустить при нас таких разговоров.

За столом стало тихо.

-У нас за такие слова бьют по физиономии, - прибавил Аджубей.

В любой стране, в какую бы он не приехал, Софронов живо интересуется проблемами и нуждами простых людей. Так, в Америке он встерчает фермера, который продал свое хозяйство и стал наемным рабочим из-за плохого здоровья и климата. «Какой это фермер так легко, без нужды к этому продаст свою ферму и пойдет служить к более богатому человеку, где самый обьем работы значительно больше, чем на его собственной ферме!» «Не климат тому причиной, а все тот же вездесущий скорпион конкуренции».

-Как вы оцениваете тот факт, что мы, советские журналисты, приехали сюда?

-Мы так считаем, что нашим странам надо жить по-соседски. Если так будем жить, все будет хорошо.

В Китае ²³

²³Анатолий Софронов Весна Китая//Огонек, №18, 1957 г, стр.6

42:

-У многих молодых людей, встречающих Ворошилова, на синих тужурках мы замечаем ордена орденские ленты.

_За что они получены?, - интересуемся мы.

-Это добровольцы, сражающиеся с американцами и лысырмановцами в Корее.

В материале «Пребывание К.Е.Ворошилова в Китайской народной республике» Софронов – мастер пиара. Подпись к одной из опубликованных фотографий гласит: «16 апреля вечером премьер Государственного совета КНР Чжоу Энь-лай устроил в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилова большой прием, на котором присутствовало более 14000 человек. В заключение приема состоялся концерт с участием артистических сил Пекина и Шанхая». На снимке товарищи Мао Цзэ-Дун и К.Е.Ворошилов аплодируют товарищам.

К.Е.Ворошилов - друг китайской нации и достойный советский человек. Все его ответы заботящимся о его культурном досуге китайцев přátельски дружелюбны. «Если бы я даже был очень тяжело болен, я бы немедленно поправился после того, как посмотрел вашу чудную выставку», - так он ответил на вопрос о своем самочувствии. Он был задан после осмотра им Всекитайской сельскохозяйственной выставки. Когда после первого часа хождения по залам ему предложили отдохнуть, он отвечал только: «Нет, нет... Я же ничего не делаю, только смотрю».

Ворошилов готов делиться своими знаниями о сельском хозяйстве даже с американцами. «Американские капиталисты часто выступают как наши главные противники, но то, что у них хорошо в сельском хозяйстве, мы с удовольствием изучаем. Мы также с удовольствием поделимся с ними опытом в любой отрасли – пусть берут. Так должны жить все народы, по-человечески». Ворошилов выступает за мировое благополучие и сытую и безбедную жизнь на всем земном шаре.

Напоследок китайцы преподносят советской делегации подарки. Ворошилов рад и растроган: «Большое вам спасибо, дорогие товарищи! Спасибо за подарки! Но не только в подарках дело. Спасибо вам за то, что вы сделали для всего человечества. Эта выставка показывает, как много сделал и как много еще сделает ваш замечательный, трудолюбивый народ. Это – счастье

43:

для всех народов, что мы вместе, что нам светят лучи того прекрасного будущего, ради которого мы живем, - коммунизма!»²⁴

«На дороге кипела трудовая жизнь. Шли с тяжелой поклажей на плечах грузчики. Настречу им шагали рабочие чайных плантаций. По рисовым полям по колено в воде ходили за буйволами, запряженными в деревянные плуги, крестьяне. На реке стояли новые, прочные джонки. Качались на волнах желтые бамбуковые плоты. По глинисто-пепельной глади реки скользили черные, ребристые, как большие рыбы плавники, паруса».

Говорят, что в Ханчжоу воздух

Весь настоенный на стихах

Что ночные на небе звезды

Ярко светят и в облаках

Говорят, что сюда поэты,

Приезжают со всех сторон.

Чтоб увидеть зарей нагретый,

Нежно-розовый небосклон.

По велению самой природы,

Между синих гор и долин

Рисоводы и чаеводы

Здесь поэты все, как один.

Говорят, что здесь каждый стебель,

Излучает тепло во мгле...

Говорят, что есть рай на небе,

А Ханчжоу – на земле.

Я поверил в рассказы эти

У студеной воды Сиху,

²⁴Анатолий Софронов Миллионы братьев и сестер//Огонек, 1957г., №20, стр. 5

44:

И до солнца еще, на рассвете,
Потянулась рука к стиху.
Здесь сердцу поэта любо,
Птицы, словно в раю, поют...
Все же главное – это люди,
Те, что здесь на земле живут;
Те, что чай на горах выводят,
Рис сажают у берегов,
Те, что с трудной поклажей ходят
И на джонках идут на лов.
Не тоскуем по райским кущам,
Не святые, чего нам лезть!
Мы хотим, чтобы каждый впущен,
Был в счастливую жизнь, как здесь!
Труд немалый еще, тяжелый,
Гор высоких вдали гряда...
Слава труженикам Ханчжоу
И поэзии их труда!

Софронов очень емко описывает первые впечатления от Гуанчжоу. «В 1954 году с шумного перрона киевского вокзала отшел поезд, на котором А.Софронов вместе с писателем Б.Н.Агаповым ехал в Англию. «Самолет преодолевает расстояние Москва – Лондон за десять летных часов. Но много ли увидишь с самолета?», - замечает главный редактор, на протяжении всей жизни остающийся согласным с мудрым руководством коммунистической партии.

Писатель называет документы «краснокожими паспортными». На станции Чоп пограничники делают путешественникам отметки о выезде и желают

45:

счастливого пути. Эту же процедуру им приходится пройти в Чехословакии. А.Софронов без труда общается с чехами, ему даже не нужен переводчик.

Вагон с табличкой «Москва – Прага»²⁵ вызывает интерес у людей. Они приветливо улыбаются главному редактору и сопровождающему его писателю.

-Москва?

-Да, из Москвы.

-В Прагу?

-Сейчас в Прагу

Краткий диалог завершился, толком так и не успев начаться. Собеседник хотел задать еще какой-то вопрос, но поезд уже тронулся, и ему осталось только разочарованно пожелать «Счастливого пути» отъезжающим.

Маленькие речки с быстрым течением стараются перегнать грохочущий поезд. Рабочие бетонных и лесопильных заводов на мгновение выпрямляются, чтобы посмотреть вслед уходящему составу, и снова налегают на лопаты и кирки.

Проходящие через вагоны чешские проводники здороваются с советскими проводниками как со старыми знакомыми и угощают их отличным пильзенским пивом. Буфетчик попросил у Софронова его спички производства фабрики «Пролетарское знамя». Хочет подарить их внуку. «Он оставляет мне свои спички и прячет в карман две коробки спичек», - пишет А.Софронов.

-Тюльпаны советские?

-Советские, - А.Софронов дарит буфетчику тюльпаны. Некоторое время спустя работник буфета возвращается с охапкой сирени.

Хлопотливый ход поезда сливается с наполняющим пространство тудовым ритмом. Сплошными переливающимися лентами набегают электрические огни, и поезд влетает на станцию Прага. Город, соединяющий в себе жизнерадостность чехословацкой земли и строгость старинной архитектуры, вызывает восхищение А.Софронова. К разноголосому говору, наполняющему Прагу, можно прислушиваться бесконечно. В гастрономических магазинах

²⁵Анатолий Софронов Москва-Прага-Париж//Огонек,№10, стр.16

46:

Чехословакии можно было увидеть и советские, и болгарские, и венгерские товары. А.Софронов отмечает подъем уровня жизни в стране. Магазины Чехословакии заполнены людьми, каждых из которых находит торать по себе: обувь, хрусталь, красивые, добротные ткани. «После денежной реформы, укрепившей чешскую корону, жизнь стала намного дешевле, товаров стало больше», - отмечает А.Софронов.

Журналист наблюдает, как двое молодых рабочих покупают мотоцикл, любуется окрестностями Праги, отмечает почтительность, с которой слушают экскурсовода пионеры в замке Кокоржин. Чешские пионеры, хозяева будущего, наполняют гулкие комнаты звоном юных голосов.

В чехословацком замке-музее Конопеште среди статуй античных богов бегают пестрые фазаны. Ранее в этом месте были сосредоточены эсэсовские части фашистского генерала Шернера, отказавшегося сложить оружие после капитуляции немецко-фашистских войск в Берлине.

А.Софронову свойственно поэтапное описание происходящего вокруг и уделение внимание мелочам. Например, он посвящает несколько абзацев тому, как поезду меняют колеса, пишет о несостоявшемся толком диалоге с интересующимися им на перроне людьми. В текстах А.Софронова четко видно, что СССР – это бренд, который продается в странах-членах Советского союза. В СССР хорошо и жить, и отдыхать

Путешествуя по Чехословакии, Софронов устанавливает международные связи. Замок-музей Конопешта он посещает с председателем Чехословацкого союза писателей Яном Дрдой. В его текстах прослеживаются антифашистские мотивы. «А всего девять лет назад именно в этом месте были сосредоточены эсэсовские части фашистского генерала Шернера, отказавшего сложить оружие уже после капитуляции немецко-фашистских войск в Берлине. Шернер, решив было оказать сопротивление могучему наступлению советских войск, готовил замок к обороне, но потом сам испугался своей неожиданной храбрости и стал отступать в более приемлемую для него сторону, к американцам, но снова испугался, услышав грохот подходящих советских танков, сел в самолет и... был таков. Вся группировка войск Шернера попала в плен к советским войскам».

А.Софронов едет путешествует поездом, и это помогает ему увидеть страну. «И вот поезд Прага – Париж мчит нас мимо крестьянских полей и

47:

строящихся заводов...». Местность, по которой он путешествует – страна крестьянских полей и строящихся заводов.

В Западной Германии в купе заглядывает пограничник, а следом за ним – железнодорожный служащий. «Паспорта наши не вызывают радости», - пишет А.Софронов. Служащие списывают приметы главного редактора: «глаза серые», «рост 180», «шатен». Немецкие пограничники вменяют приезжим в вину то, что они выехали из Москвы не сразу после получения визы, и у одного из путешественников виза просрочена на пять дней. Раздраженные нежеланием Софронова и его товарища выходить из вагона, немцы пытаются снять с поезда одного из пассажиров, но у них ничего не выходит. А.Софронов упорно оставался в поезде, и в конц концов получает письменное разрешение проехать дальше. «Наконец появляется пограничник. В руках у него белеет какая-то бумага:

- Подпишите, - говорит он.-Акт!»

В Германии Софронову не удалось услышать «Счастливого пути».

Из окна поезда видны только небольшие серого цвета дома. Скученные поселки застроены домами барачного типа. Переселенные с польских и чехословацких земель немцы, по словам А.Софронова, живут вдоль границ и держатся в постоянном напряжении правительством Аденауэра, которое подогревает вражду к Чехословакии и Польше. «Уж не они ли это, мужчины и женщины, стоящие у бараков?»

И снова Анатолий Софронов высказывает созвучные озвученным в книгах и материалах Ильи Эренбурга мысли. Отъехав от границы, он наблюдает «мирскую» картину жизни Германии. «Стоят небольшие автомашины, по дорогам мчатся велосипеды». Он пишет: «И думаешь, глядя из окна поезда: здесь люди, как и везде, хотят мира! У многих погибли отцы, сыновья и братья... Теперь этих людей стараниями немецких реваншистов и американских атомщиков снова готовят к тому, чтобы они стали пушечным мясом. Смотришь на мирно отдыхающих немцев и думаешь: неужели они все – и эта рыжеволосая девушка на велосипеде и этот парень в клетчатой рубашке, что едут рядом, обнявшись, - заинтересованы в новой войне? Неужели в эти юные головы уже проник военный дурман? Может быть, они накануне свадьбы? Неужели эта девушка, не став еще женой, готовится стать вдовой?»

48:

Пауль Дистельбарт, немецкий культурный деятель, хорошо знающий жизнь и однажды приехавший в СССР с делегацией, рассказывает, что никто из въезжающих в страну не был спокоен. Каждый приехавший немец задавался вопросом: «Выразит ли население недовольство? Или оно обнаружит ледяную холодность?». Этого не случилось. Советские люди, заполонившие платформу вокзала, были настроены дружелюбно: «Из смеющихся голубых глаз на нашу группу струились потоки любви и дружбы», «Со всех сторон нам навстречу тянулись руки с букетами цветов».

Пауль Дистельбарт посетил концерт художественной самодеятельности на сталинградском заводе «Красный Октябрь», где поцеловал русскую девушку. «Девушка смотрела на меня тепло и проникновенно. Я невольно взял ее за щеки обеими руками и поцеловал в губы. И хотя это в России совсем не принято, она, ни секунды не колеблясь, горячо и радостно ответила на поцелуй...».

А.Софронов предполагает, что «несущиеся в «джипах» по дорогам Баварии» американцы манипулируют немцами, заставляя мысленно ненавидеть Советский Союз и его граждан.

О Нюрнберге Софронов пишет: «Вот на этих пустынных улицах среди старых домов маршировали на пресловутых парадах фашистские молодчики...Здесь по приговору Международного фашистского суда были казнены главари советского фашизма». Сколько из еще бродит по Западной Германии, фашистов, распространяющих бредовую идею реванша?

Поведение пограничников на станциях по-своему отражает международную обстановку и национальный характер и русских, и немцев, и французов. «Ну а всякие пограничные процедуры?», - спрашивает Софронов. «О, можете спать спокойно! Французы не будут вас беспокоить».

В Париже следы войны остались заметны и через 15 лет. Рабочие в старых синих комбинезонах забивают костыли в шпалы, подтаскивают рельсы к насыпи. Большинство без рубашек с самого раннего утра.

Приехав в Париж, Софронов замечает двух американских летчиков среди французских военных на перроне. «Здесь, на привокзальной площади великого европейского города, они лениво, с тупым высокомерием рассматривают пеструю толпу парижан, нехотя отвечают на приветствия французских «нижних чинов». Лифты на верхней площадке Триумфальной

49:

арки обслуживают ветераны двух войн. «Под строгим взглядом ветерана-лифтера спускаемся вниз».

«Еще раньше мы заметили, что лицо нашего шофера испещрено мелкими, идущими в разных направлениях шрамами. Оказывается, он участник второй мировой войны. Осколок гранаты разворотил ему челюсть. Он полтора года пролежал в больнице, пока ему по кусочкам собирали лицо, сшивали нос. Мы спрашивали его, что он думает по поводу перевооружения Западной Германии

-Я думаю, что если однажды меня кое-как залатали и сделали похожим на человека, то вторично немецкая граната или снаряд просто оторвет мне голову. Будет, правда, меньше заботы для медицины, но больше неприятностей для меня!..»

«Мы долго стоим, рассматривая этот изумительный по красоте город. Слева от нас какие-то люди разговаривают на английском короткими, отрывочными фразами.

-Смотрите, город разбит на квадраты, - говорит один.

-Большая площадь, сразу не облетишь.

-А вон видишь, квадрат Лувра?», - такой разговор вели три американских летчика, профессионально оценивая Францию с высоты Эйфелевой башни. На А.Софронова это производит впечатление прицельного бомбометания, ему становится не по себе. Он убежден, что американцы хотят войны, и в своем материале, описывая этот эпизод, берет фразу «теоретические изыскания» в кавычки.

Площадь Инвалидов, на которую попадает А.Софронов – пространство цирка, производит на него негативное впечатление. Уставленная балаганами, каруселями, американскими горками, тирами, дешевыми аукционами, размалеванными палатками гадалок и предсказателей судьбы, она кричала и зазывала. Непомерно усиленные репродукторами пластинки трещали и грохотали со всех сторон. Солдаты в маленьких машинках, сопровождаемые красивыми девушками, мчались по большому круглой площади под навесом, чтобы посильнее ударить другую. Аттракцион скрежетал так, словно в том месте раздирали огромные полосы железа. Поздно вечером на этой же площади, стерев и сбросив пестрые одежды, ужинали гадалки и

50:

предсказатели судьбы. Рядом толпились одинокие бродяги, на которых никто не обращал совершенно никакого внимания.

В тексте Софронова история Парижа тесно связана с международными отношениями. Смотря на здание Гранд-опера, где весной должны были состояться выступления артистов советского балета, он говорит о негодновании французов, лишенные возможности принять гостей из России. «Убоявшись проявления дружественных чувств парижан к советскому искусству, правительство Ланьеля не разрешило гастроли». Люди, скупавшие у спекуляторов билеты на представление, вынуждены были возвращать билеты в кассу, возвращая их номинальную стоимость.

А.Софронов описывает и такой случай. На аэродроме к Галине Улановой подошел пожилой человек и сказал: «Я приехал издалека, заплатил за билет очень дорого, но сдавать билет в кассу не буду. Прошу вас оставить на моем билете ваш автограф. Этот билет я буду хранить до конца моей жизни...»

На выставке в Гран-Палэ А.Софронов посетил выставку современной скульптуры и ужаснулся тому, что большинство работ оказались похожи на чудовищных роботов. «Одна фигура нас просто ужаснула: это было что-то вроде осьминога – много конечностей, маленькая голова...» Художник, довольный впечатлением, которое произвела на посетителей скульптура, спросил, не страшно ли гостям. Когда они признались, что им действительно боязно, он пояснил:

«Видите ли, у нас в Исландии сейчас много американцев... Я хочу попросить муниципалитет Рейкьявика разрешить мне поставить эту скульптуру на центральной площади города. Я думаю, что америнцы, посмотрев на нее, испугаются и покинут остров». Художник искренне желал выдворения иностранцев.

По тому как А.Софронов оценивает выставку в Париже, можно заключить, что он в какой-то мере разбирался в искусстве. Он отмечает тенденцию отхода от «абстрактного» искусства, которое ничего не говорило ни уму, ни чувствам зрителя. Центральное место к картинам снова начал занимать человек, то есть искусство Парижа 1954 года было антропоцентричным. Живопись была или портретной, или фотографической. Рисовали художники и пейзажи: сады, реки, улицы, магазины, поле. У Софронова выставка не вызвала восхищения: «Чаще всего художник все еще решает чисто

51:

формальную задачу игры света и красок. Красок много, а для чего они, непонятно».

А.Софронов упоминает, что ему не на каждой границе нужен переводик. В Лувре он различает французскую, английскую, немецкую, итальянскую речь. Посещая выставки и музеи, он всегда отмечает, что продается, а что нет. Например, на годовой художественной выставке картины почти не продавались, зато копии Джоконды расходились достаточно легко.

А.Софронов не впечатляется современным ему искусством, но интересуется Давидом и его точными безжалостными портретами, Делакурром с его гиганской разностонностью. Он включает в материал эпизод с русской экскурсией: «Наш экскурсовод говорит, что эта картина изображает Наполеона, когда он отступает из России, побежденный снегами и морозом...» Юноши и девушки, участвующие в экскурсии, молча переглядываются. «Видимо, она понимает, что не очень убедительно звучит ее объяснение поражения Наполеона «снегами и морозом». А.Софронов находится в курсе студенческих дел. «В это время в Советском Союзе французские студенты пользуются гостеприимством своих московских коллег». Студенческий обмен способствует развитию культурных связей между Францией и СССР. А.Софронов вспоминает недавнее посещение студентами министра просвещения и его желание наладить культурные связи путем студенческого обмена после отъезда из Парижа русского балета.

А.Софронов – сторонник гуманистических ценностей. На него производит большое впечатление картина Жана-Луи Месонье «Баррикады»: возле полуразрушенной баррикады лежат убитые, и нет ни одного живого человека. «Но сколько сказано художником в этом маленьком шедевре!». На картине Делакура «На баррикадах 1830 г.» Франция – это свободолюбивая женщина под знаменем своей нации, рядом с ней человек в гражданской одежде, автопортрет художника, а бок о бок с ним на баррикаде мальчик, будущее Франции, Гаврош из «Отверженных» Виктора Гюго.

«Народ Франции рвет путы кабальной зависимости своей родины от американского империализма». – пишет А.Софронов. Честь Франции, ее национальное знамя, разные люди, от маститых государственных деятелей до рядового рабочего автомобильного завода «Рено», от замечательно гуманиста-ученого Жолио-Кюри до трудолюбивого виноградаря Шампани».

52:

Эти произведения стали бессмерты благодаря тому, что художник отчетливо выразив свое отношение ко времени и сказал свои «за» и «против» в пользу своего народа.

А.Софронов «В Лондоне»²⁶

«-Кто такое?

-Журналисты.

-Зачем приехали?

-Посмотреть Англию и рассказать о своих впечатлениях в советских журналах и газетах.

-На какой срок?

-На два месяца.

-Просим вас не задерживаться сверх этого срока», - отвечают ему на паспортном контроле.

Великобритания вела в прошлом году немало завоевательных войн, поэтому в стране особенно много памятников военным. Среди худощавых англичан и застенчивых шотландцев в пестрых клетчатых юбках довольно часто мелькают военные в серой форме. На их петлицах тускло поблескивают две буквы: «U.S». Американских летчиков советский журналист распознает и без формы. В голубых брюках, синих легких пиджаках, белых рубашках, на них яркими пятнами распластались гастуки невероятной пестроты.

Фантасмагорическая в вечернее время улица Пикадилли привлекает американскую военщину, главным образом летчиков, куда они приходят в гражданской одежде. Некоторые из них по каким-то причинам не скрываются и откровенно рассматривают женщин и девушек. Их цель – покутить.

А.Софронов отмечает, что рядовой американски солдат получает вдвое больше, чем средний чиновник или квалифицированный английский рабочий. Денег хватает и на то, чтобы часами поить английских девушек коньяком. «Раскрасневшаяся девушка что-то щебетала ему, а он молчал и только смотрел на нее чуть прищуренными глазами», - описывает сцену Софронов. По словам местных, в англии тысячи незаконнорожденных американских детей, которые, отработав свой контракт, уезжают на родину и

²⁶Анатолий Софронов «В Лондоне»//Огонек, 1954 г., №49, стр.6

больше никогда не возвращаются. «Немало печальных драм разыгрывается на этой почве...»

А.Софронов пишет и о наружной рекламе: «Иногда к фонтанам завернет человек, которого называют «сэндвич». Как в парцирь, закован человек в рекламные щиты, на которых начертаны слова о продаже туфель, плащей и прочего... Он сам в плохонькой одежде и стоптанных башмаках, полуголодный, за несколько шиллингов бродит по городу целый день. И может он еще терпит это в тихую погоду, но в ветреную ему становится трудно передвигаться из-з голода. «Такая реклама - плохой парус для жизни человека».

В Англии существует закон, запрещающий «нищенство». Человек должен работать, и уличные художники работают, рисуя цветными мелками на тротуаре профили собачьих голов. Выходящие из национальной галереи люди кидают ползающим по асфальту одинокие монетки, и те их подбирают. А.Софронов счел нужным написать об этом и его не остановило даже то, что об этом уже неоднократно говорилось. К тому же, лондонцы не хотят распространения этой информации.

А.Софронов пересказывает разговор, произошедший между ним и местным жителем на людной Флит-стрит, вечно кишашей деловыми людьми и застроенной зданиями трестов, банков и компаний. «Тяжела у нас профессия журналиста. Все время приходится писать неправду. Я как-то напустился на одного: «Как вам не стыдно: ведь не было того, что вы написали!» Он даже не отвел глаз в сторону: «Да, не было». А попробуй напиши другое – не будут печатать... А у меня семья, я могу потерять работу». И он прав, конечно...»

А.Софронова удивляла несусветная чушь, которую писали о советских писателях и журналистах, о советских писателях в английских газетах. В ответ на его возмущение этим попутчик главного редактора указывает в сторону Сити, часть Лондона, подвергшуюся фашистским бомбардировкам в период войны. «Разве они допустят» напечатать что-либо «противозаконное»?

Разрушенная в период боевых действий часть города не восстанавливалась. Участки не восстанавливались из-за своей принадлежности частным лицам. Владельцы ждали лучших времен, некоторые же и вовсе были напуганы атомной истерией.

54:

Главный редактор журнала «Огонек» рассказывает о поведении американцев в английском кинотеатре. Приехавшие в чужую страну, они хватали за бока продавщицу мороженого и громкого гоготали над «пустенькой», как назвал ее А.Софронов, комедией. Сцены убийства двухсот американских солдат сменялась боксом, и неуспевающие сосредоточиться люди снова начинали обрывать и бросать одобрителные выкрики. Только до того момента, пока не замечали, что дерущиеся на экране – две пары двое на двое, и американскую били здоровенные японцы, лбами, кулаками наотмашь в живот, пожмяв под себя, бросали на ринг, и «окровавленные американцы ползали на четвереньках»...

А.Софронов удивляется рекламе в кино, разнообразию продаваемых товаров. Вместе с духами рекламируют рифму с песнями, используя для этого драматические диалоги. Обычно реклама заканчивалась появлением на экране продавщицы мороженого, а потом ряды их спускались в кинозал, чтобы продать свой товар.

А.Софронов любил оперу. Описывая сцену заработка уличных артистов, он без труда узнает исполняемые ими музыкальные произведения, попутно давая оценку исполнению и внимательно рассматривая певца. «Он пел арии из «Травиаты» и «Паяцев», «голос его, правда, дребезжал на высоких нотах», «у него были матенькие черные усики и черные печальные глаза».

Английское правило-запрет на нищенство и сбор пожертвований неоднократно критикуется Софроновым. Он отмечает, что стоящая у кинотеатра женщина не могла составить конкуренцию исполнителю музыкальной классики, но и петь неумела. «Из ее уст вылетали лишь отрывистые хриплые звуки». Не смотря на это, просить милостыню она не могла, она должна была «работать».

В очерках Софронова подробно описываются обстановка в магазинах, атмосфера улиц, собачьи бега на тотализаторе. «По рельсе запускается электрический заяц, и за ним пускают гончих. Каждая из них с лаем и визгом бросается за зайцем. Догнать его ни одна не догоняет, но пришедшая первой к финишу доставляет радость одним и печаль другим посетителям собачьих бегах, играющим на тотализаторе». В стремлении срубить большой куш завсегда и тотализатора идут на обман и различные ухищрения, но скрыть неправомерность действий, когда выигрываешь большую сумму, трудно от проигравших, и мошенник обычно остается ни с чем.

55:

Софронов считает своим долгом сказать и о спорте, не смотря на то, что вживую увидеть ни одного матча ему не удалось. Он отмечает любовь англичан к теннису, которые обучаются ему еще учась в школе.

Американские спортсмены в Англии не вызывают приязни, скептическое отношение переходит со стороны англичан в недоброжелательное. Это объясняется грубостью и пренебрежительным отношением америнцев во время спортивных состязаний.

На протяжении всего очерка Софронов пишет о нелюбви в американцам. Ему докладывают об этом многочисленные знакомые, отношения Америки и СССР, противостояние наций, англичан и американцев, русских и англичан, американцев и русских свойственно Софронову. Собеседник рассказывает главному редактору, что англичане начинают понимать подневольность своего положения по отношению к американцам. «Это вызывает раздражение у самых разных людей». Американцы муштруют своих моряков там, где англичане привыкли отдыхать – в Гайд-парке. Количество пахотных земель в сельской местности сокращается из-за того, что там американские аэродромы. Английские юноши обучаются разным гадостям, американцы разлагают английских девушек. «Люди у себя по квартирам называют это оккупацией. Англия за всю историю существования не была в таком положении, не испытывала такого позора». Англия невольно поставлена в положение «младшего партнера».

Англичане настолько неприемлют насильственное присутствие Америки, что отказались читать журнал Тайм, названный в статье Софронова «грязненьким». Американцы даже начали строить здание редакции, но потом им пришлось бросить эту затею.

«Во всем этом, пожалуй, нет еще ненависти, но есть в этом какое-то, часто неосознанное – у одних обиды, у одних от природной гордости, у других просто, что называется, от сердца – сопротивление американской политике.

В Англии все еще говорят о войне и переживают ее последствия. Например, по утрам в гостинице А.Софронову «По утрам из гостиничного ресторана официантка приносит завтрак: два тоненьких поджаренных тоста, кусочек-очень тоненький-бекон с одним яйцом, розетку апельсиновоого джема и чашку кофе»

56:

«До войны мы питались лучше, сытнее. Во время войны били карточки, они держались долгое время после войны. Мы привыкли к скромному рациону. А сейчас, видимо, питаемся так уже по выработавшейся привычке».

«Горничная, ежедневно приходившая по утрам убирать наши номера, увидев на столе у Бриса Агапова пустые тарелочки от еды, спросила нас: «Нравится вам наше питание? Вы ведь в России, говорят, голодаете?» «Почему же вы смеетесь? Об этом писали в наших газетах» «Русские плохие, англичане хорошие» «и русские и англичане хорошие»

Как-то на столе она увидела журнал «Огонек». Осторожно взяла в руки журнал, начала перелистывать, заинтересовалась, потом спросила, указывая на снимок, показывающий наших детей на спортплощадке:

-это правда?

-конечно, правда(тень раздумья набежала на ее лицо) стр 20

Служителя гостиницы русские спасли из концлагеря в Дрездене. Позже встречаясь со мной он всегда приветливо улыбался.

Софронов поездка в шотландию

А.Софронов путешествовал и в город Глазго. Рассказывая о населении, он сразу же отмечает, что в нем проживают около миллиона ста человек, до войны же эта цифра равнялась 1 млн 250 тыс человек.

Софронов профессионально оценивает коллекцию фарфоровой посуды, коллекция которой, по его словам, уступает Эдинбургу и Абердину. В центре внимания находятся произведения Рембранта.

А.Софронов гуляет по Глазго и составляет себе впечатление о людях, их привязанностях и склонностях, как будто читает интересную книгу. « Мы свернули в Нетхенстрит, грязную, запущенную улицу. Представьте себе ряды каменных, покрытых многолетней копотью домов, асфальт, каменные тротуары, усеянные обрывками бумаг, окурками, растоптанными пестрыми этикетками, передвигаемыми ветерком с места на место.

В грязных дворах Глазго лезут неунывающие ребятишки, до самых волос в подтеках, пыли и грязи. Играть им негде, площадкой детям служит асфальт. «Где же быть нашим детям чистыми, когда есть семьи, живущие по 13 человек в одной маленькой, сырой, темной комнате, без всяких удобств»,

57:

Поддержавший разговор рабочий был одет в самый дешевый пиджак и чистую, заштопанную рубашку. Он говорит о том, что промышленность страны сейчас находится не в лучшем состоянии. Заказы есть года на два-три, но не на восемь-десять лет, как это должно быть в ситуации, когда промышленность здорова. Узнав, что его собеседники из СССР, рабочий с особым чувством пожал руку Софронову и его попутчикам, сказав: «Передайте привет советским рабочим».

На соседней улице Софронов встречает Даниеля, семнадцатилетнего игрока в футбол, постоянно работающего клерком, учетчиков на заводе. «Нас всего трое: отец, мать и я... Отец – чернорабочий, мать дома. Живем в одной маленькой комнате без удобств». Даниэль не собирается получить высшее образование, он ждет повышения по службе: «Если мне удастся продвинуться по службе – и то будет хорошо». В кино смотрит фильмы про гангстеров.

У небольшой лавочки с объявлениями о продаже одежды Софронов встречает рабочего металлургического завода. «У человека этой несложная профессия: на одном из металлургических заводов он открывает и закрывает ворота. Делает это он уже более трех десятков лет. Наш собеседник зарабатывает в неделю 6 фунтов. Два с половиной фунта он тратит на квартиру. Больше уходит на всяческие налоги. В страховую кассу, как член профсоюза, рабочий должен вносить 6 шиллингов в неделю для того, чтобы в случае безработицы получать 32 шиллинга 6 пенсов в неделю. Женщины получают только 21 шиллинг».

На жизнь этих скудных заработков не хватает. Обычный рабочий не может себе позволить содержать семью, и в 60 лет вынужден работать 6 дней в неделю. Это один из видов безработицы.

В галантерейном магазине дела шли плохо. Большая конкуренция.

В пивной туристы услышали такой разговор: «Когда ты бывший кузнец, и когда тебе семьдесят семь лет, а жене семьдесят пять и когда ты получаешь 32 шиллинга 6 пенсов в неделю, а жена 21, - это жизнь? А квартира? А уголь? А табак? Я имею право выкурить трубку? Имею я право?». Выйдя из бара, остановились посмотреть на человека, который, стоя на карнизе второго этажа, с трудом сохраняя равновесие, мыл окна».

-Как читается сейчас Вальтер Скотт?

58:

-Читается, в некоторых домах есть книги. Но вообще книги стоят дорого, их трудно покупатью

-Что же, раньше они стоили дешевле?

-Да, конечно... Раньше все стоило дешевле.

Обнищание Глазго связано с переводом ряда промышленных предприятий из Англии в Шотландию. Английские и шотландские фирмы объединились, но решение о перенесении производства на территорию, где уже было свое, оказалось неудачным: «Но вот почувствовались первые симптомы неблагополучия в некоторых отраслях промышленности. Перепроизводство!»

Начали закрываться филиалы фирм в Шотландии, и миллионы рабочих оказались на улице. Результатом перенесения производства стало то, что уровень безработицы в Шотландии в два раза превысил уровень безработицы в Англии. Плюс ко всему, в Англии рабочий по сельщине получал 35% всяческих субсидий, в Шотландии же была возможна только почасовая оплата. Профсоюзные боссы и предприниматели также не были готовы увеличивать благосостояние рабочего класса. Объединившись, они выступали против выплаты субсидий. Причиной послужила боязнь перепроизводства. К тому же, объявились солидные конкуренты, Западная Германия и Япония, в области машиностроения и судостроения. Судостроительная промышленность располагала заказами всего на 1-3 года, и это вызывало тревогу...

Трущобы, в которых ютились рабочие, строились наспех «сто пятьдесят лет назад». Нужно было кое-как разместить рабочих, и с тех пор все так и осталось. Случайный собеседник А.Софронова в Глазго, коренной житель этих мест, сказал следующее: «Конечно, горько и тягостно смотреть на эти жилища и особенно на беспризорных детей, но никому до них нет дела. В одном Глазго постоянное число безработных доходит до тридцати тысяч человек! И почти у всех семьи... Представьте себе состояние...».

А.Софронов отмечает, что в его словах чувствовалась большая и глубокая боль за судьбу рабочих и их детей, вырастающих на пыльных камнях большого шотландского города.

Английская жизнь и нравы вторглись на территорию Шотландии. В кино А.Софронов смотрит английский фильм «Семь дней до полудня» и критикует его с точки зрения соответствия действительности. В картине поднимается проблема ядерной угрозы. На собраниях в Эдинбурге и Абердине

59:

А.Софронов наблюдает, как простые люди требуют запретить атомно-водородное оружие. В фильме же этого отражено не было. Редактор отмечает талантливую игру актеров, но пишет следующее: «По ходу картины жители города почему-то безропотно принимают решение правительства об эвакуации столицы, и никто не поднимает протеста, никто не настаивает на том, чтобы правительство запретило атомное оружие». А.Софронов говорит о том, что в фильме было много интересных моментов, но внимание уделяет восклицанию одного из эпизодических лиц «Русские начали наступление!». Оно вызывает дружных смех. Невидимый зритель восклицает в темноте: «Какая чепуха!».

Софронов передает своему другу Самуилу Маршаку, много сделавшему для дружбы шотландского и советского народов, веточку вереска от председателя общества «Шотландия – СССР» Д.Кемпбелла. В Глазго существует отделение общества дружбы. В нем состоят родители, врачи, педагоги, музыканты, чиновники, немало женщин.

Заключение

Главная тема публицистики журнала «Огонек» периода оттепели – простой человек и его нужды, жизнь простых людей в СССР. Образ публицистики «оттепели» - это скромная уборщица, пришедшая на помощь плачущему ребенку, герои картин Пименова, философ и исследователь Корней Чуковский, дети-лингвисты. Опираясь на выдвинутые на 2 съезде советских писателей требования, Татьяна Тэсс создавала прекрасные рассказы, Анатолий Софронов писал прекрасные легкие тексты, а Корней Чуковский выступал носителем важнейших гуманистических ценностей, какие только могли быть и в советское время, и в дореволюционное. Наступление оттепели позволило Чуковскому писать в политизированный журнал, каким всегда был и оставался «Огонек», писать материалы на кристально литературные темы и публиковать отрывки из написанных им книг,

Публицистика Софронова рисует непростую картину международных отношений и проблем СССР. Русских специально позорят, подсылая кого-то, кто настраивает американский бизнес против СССР. Так создаются негативные ассоциативные ряды. Люди в Америке знают русский язык, хоть взаимоотношения двух стран и сложны. Революция – ценность, принадлежащая Софронову, зарубежом путешественники обязательно празднуют 38 годовщину прихода большевиков к власти. А.Софронов пишет и публикует патриотические песни на страницах журнала, главным редактором которого он является. В материалах Софронова русские люди – заступники угнетаемых наций. Они не поддерживают расизм, разделяя американские ценности в этом отношении. Они также против власти денег. Анатолий Софронов в каждой своей поездке интересуется проблемами простых людей. Он против обнищания, например, фермеров. И такие люди знают, что СССР и Америке проще и лучше будет жить по-соседски, обмениваться опытом в отношении ведения сельского хозяйства...

В материале о Китае высказывается идея мирного сосуществования американских и русских капиталистов. Как и везде, главное в Китае – трудолюбивый народ, те, кто сажает рис и ходит с брезентовой поклажей.

Каждый буфетчик хочет иметь советский сувенир. Пионеры – будущее нации, с уважением слушают экскурсовода. Негатив в Германии – то, о чем пишет Софронов. Не желающих пропускать Софронова на границе немцев отличает педантичность и точность. В Германии Софронов высказывается против ведения военных действий где бы то ни было и по какой бы то ни было причине. «Неужели эта девушка, не став еще женой, готовится стать вдовой?» Немецкие культурные деятели целуются с русскими девушками в губы. А.Софронов заявляет, что американцы, которых он видел произжающими по улицам одного из городов Германии, манипулируют немцами, настраивая их против русских. Софронов негативно высказывается в отношении фашизма, нацизма.

Корней Чуковский в своей публицистике выступает против крепостного права. Он воспевает такую этическую категорию, как подвижничество, и восхищается его скромностью и писательским характером. Чуковского-человека отличает любовь к детям и стремление проводить с ними время. Темы его материалов в «Огоньке» преимущественно литературные. Он пишет о Чехове как о своем знакомом и как о одаренной, творческой личности, этим же темам посвящены его материалы о художественном творчестве. Он

61:

восхищается литературным талантом иллюстратора в материале «И художник, и литератор». Кольцо дореволюционных ценностей – культура и богатый внутренний мир, умение развивать свой писательский талант. По Чуковскому высокий уровень внутренней культуры необходим для того, чтобы понимать чужое творчество и развиваться в нужных направлениях.

У Татьяны Тэсс коммунистическая партия – источник занятий для народа, побуждающий их работать, строить квартиры, делать расчеты за инженерными столами, работать за станком на заводе. Трудом простых людей страна работает на себя. Новые задачи коммунистической партии – весна в жизни народа-трудолюбца.

В рассказе «Четыре года» Татьяна Тэсс поднимает тему семьи, культуры семьи, семейного счастья. Молодой сталевар влюбляется в жену своего немолодого мастера. Вложивший в него труд и душу сталевар Козлюк ждет от него уважения, любви, но мастер, сблизившийся с учеником, перестает быть для него авторитетом. Жена остается верна своему мужу и оказывается эмоционально гораздо более зрелой, чем он. Сталевар Козлюк оказывается со всех сторон не прав, и на работе, и дома. В этом рассказе тема семейного счастья связана с темой ответственности за себя и близких. Герои Татьяны Тэсс – простые люди, и передовиков труда рисуют, о них сочиняют песни. Она пишет о красавце-греке, который не умеет ценить работу, мечется от заработка к заработку и погибает, и о слепце-гиде, потерявшем свое место и вставшем с протянутой рукой.

Список литературы

Документы

Книги, монографии, сборники

На русском языке:

1. С.И Чупринин «Оттепель» URL:
<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/214/1/1097021.pdf>
- 2.

Научные статьи

1. Д.С.Лихачев «О философии научного исследования» URL:
http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/kulturologia_lihacheva_27/5.1.pdf
2. Д.С.Лихачев «История – мать истины» URL:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Lih/04.php

Статьи в периодических изданиях

3. И. Бродский. «Эстетика - мать этики». Интервью А. Тюрину [«Зеркало недели», №11 (11) 1994] URL: <http://noblit.ru/node/1298>

Словари и энциклопедии

4. Словарь по этике URL: <http://www.moralphilosophy.ru/>

Электронные ресурсы

63:

5. Иосиф Бродский Нобелевская лекция URL: <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>
6. Оруэлл Свобода печати Предложенное Оруэллом предисловие к «Animal farm» http://www.orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/russian/rfp_mk/
Репортеры без границ URL: <http://en.rsf.org/>
7. Международные принципы профессиональной этики в журналистике URL: <http://www.mediasprut.ru/info/pravo/moral.shtml#prinzip>
7. Трансцендетальное учение о началах трансцендентального учения о началах URL: <http://www.opentextmn.ru/space/?id=863>
8. Основы метафизики нравственности Кант.И URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000503/index.shtml>
9. Аристотель «Никамахова этика». URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt>
10. 2й съезд советских писателей URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/ochlit38.html>

64: